

The background of the book cover is an impressionistic painting of a winter forest. The scene is filled with snow-covered ground and trees. The color palette is dominated by cool tones: various shades of blue, white, and grey, with some warmer accents of brown and yellow in the tree trunks and foliage. The brushwork is visible and expressive, creating a sense of movement and light. The text is overlaid on a white rectangular area in the upper right portion of the image.

Борис Полухин

Тошнота.Ру

Сборник непрошенных драм
с комментариями С. Ф.

Борис Полухин

**Тошнота.Ру. Сборник
непрощенных драм с
комментариями С. Ф.**

«Издательские решения»

Полухин Б.

Тошнота.Ру. Сборник непрошенных драм с комментариями
С. Ф. / Б. Полухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851678-8

В этот первый сборник автора «Тошнота.Ру» вошли девять драм. Он назван по заголовку одной из пьес. Дотошный читатель заметит, что тот совпадает и с заголовком сартровского романа «Тошнота». Но на этом какое-то сходство двух текстов кончается. Героя пьесы преследует тошнота не от вещей, а сочиняет он сказку-киллер. Второй сборник с названием «Малина власти» будет включать шесть драм. Они или о правителях (от Агамемнона до Сталина), или о их учителях (от Платона до Ницше).

ISBN 978-5-44-851678-8

© Полухин Б.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Фаустята	7
Время безавторитетного слова	7
Зевксидово зеркало	8
Часть первая	9
Картина 1	10
Картины 2 и 3	13
Картины 4, 5, 6 и 7	15
Картина 8	18
Часть вторая	20
Картины 9 и 10	21
Картина 11	22
Картина 12	23
Картина 13	24
Картина 14	25
Букетик мессалины	27
Пролог дуплет	28
Часть первая	30
Вызов	31
Первое свидание	33
Еще... Еще!	36
Часть вторая	38
Бесконечная ночь	39
Станный посетитель	42
Мортидо моста	45
Рафаэлова неудовлетворенность	47
Действие первое	48
На площади	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Тошнота.Ру

Сборник непрошенных драм с комментариями С. Ф.

Борис Полухин

© Борис Полухин, 2017

ISBN 978-5-4485-1678-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я сразу отвечаю на вопросы, которые обязательно возникнуть у читателя этого сборника. Например, почему я пишу драмы? Мне всегда было не интересно читать по полсотни и более страниц описаний, чтобы добраться, наконец, до интересной мысли или острого наблюдения. Нашему нетерпеливому времени нужен содержательный, как у Пруста, текст, но короткий. Сценическая условность пьес позволяет создавать такой текст. Правда, от читающего она требует большей работы воображения.

Почему драмы непрошенные? Мастера прошлого ждали вдохновение в уютных креслах под бокал доброго вина. Персонажи моих драм заваливали ко мне в забегаловках Fast Food под пластик с дешевым пивом, как те гости, которых никто не звал...

Потом в их компанию затесался персонаж со стороны. Он постоянно на свой лад комментировал мои тексты, события связанные с ними. Даже настоял дать ему имя. Поначалу мы с Сашей Фиолетовым часто вздорили, но потом сработались и даже сдружились. Так он появился в сборнике.

Фаустята ***Драматический триптих***

Время безавторитетного слова

Современный критик справедливо негодует, когда узнает, как травили непониманием и непризнанием гениев прошлого. Уверен, что уж он-то точно отличит гения, лишь прочитав, увидев или услышав его произведение. Забывает, что критик прошлого точно также благородно возмущался по тому же поводу.

Известный российский литературный критик, когда прочитал драматический триптих «Фаустята», то признался, что давно не читал таких интеллектуальных произведений. Их надо опубликовать, отметил он. Но тут же быстро поправился, что их журнал пьесы не печатает. На такой ноте наш автор с ним расстался. Критика понять можно. Он не был уверен в своей оценке, чтобы заявить: что он открыл миру нового Шекспира или встретил мастеровитого графомана.

Сегодня нет авторитетов, какими были в свое время Гайдн, Гете, Пушкин, Белинский, Толстой. Личностей, способных профессионально оценить новое произведение. Эти авторитеты начали исчезать с небосклона еще в прошлом веке. Ведь уже Борис Пастернак не справился с этой ролью. Вспомним, когда Сталин в телефонном разговоре уточнял у него, как у живущего авторитета, а Мандельштам «мастер, мастер?» Тот не смог внятно ответить вождю. Он лишь сказал: «Я не могу говорить о том, чего не чувствую. Мне это чужое». Пастернак не был уверен, что на его суждение не влияет его личное отношение к поэзии коллеги.

С. Ф.

Зевксидово зеркало

Драма художника

Действующие лица

КИРИЛЛ ТАВРУЕВ, *молодой художник.*

Его ТЕНЬ.

ЕЛЕНА КАДЕТОВА.

АНАТОЛИЙ, *художник,*

ВАСИЛИЙ, *журналист, друзья Кирилла.*

ПРАСОЛОВ, *его сосед.*

ДЕВУШКА *с мимозами.*

ДЕВУШКА *с чертежным тубусом.*

ДЕВУШКА *в шляпке.*

МУЖЧИНА *в старомодном плаще,*

ДЕВУШКА *в велюровой кепочке,*

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ,

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ, *пассажиры в вагоне трамвая.*

Часть первая

Картина 1

Мастерская Тавруева (оборудована в квартире жилого дома). У левой стены стоят книжный стеллаж, небольшой стол, мольберт, кресло. По середине мастерской поставлен табурет для портретируемого. Справа у стены находится тахта, дверь в мастерскую и платяной шкаф старомодного дизайна со встроенным во всю высоту дверцы зеркалом. На стенах мастерской развешаны картины художника.

Позднее утро. На тахте под простыней лежат Кирилл и Елена. Рядом стоит стул, на который брошены их одежды. Оба давно молчат. Вдруг Тавруев резко сбрасывает с себя простынь, поднимается. Берет со стула джинсы, надевает их.

ЕЛЕНА (с тахты). Кирилл, ты был доволен мной ночью?

ТАВРУЕВ. С нетерпением жду повторения.

ЕЛЕНА. И я красива?

ТАВРУЕВ. Елена, ты ослепительна. *(Застегивает молнию на джинсах. Подходит к зеркалу шкафа. Вопросительно встречает свое отражение. Елена поднимает голову с подушки, садится.)*

ЕЛЕНА. Отлично! я красивая и на меня западают. Это те оценки, которые женщина хочет слышать от мужчины каждое утро.

ТАВРУЕВ *(отражению)*. И по утрам я всегда вру им – зачем? А сначала себе... Я с первого взгляда вижу женщину, какая она будет без одежды, косметики. Но уговариваю себя: оставь придирки, Тавруев. Она прекрасна! А в постели каждый раз убеждаюсь, что обманул только рассудок. Но не свое тело. И оно уступит, когда выработается на партнершу условный рефлекс...

ЕЛЕНА. Но ночь в этой мастерской мне все-таки аукнулась. Полетел весь мой расклад мужчин. Ты не стелешься ни в одну из четыре моих стопок. А новую не знаю, как назвать?

ТАВРУЕВ. Распиши свой расклад. Может, я подберу себе лейбл.

ЕЛЕНА. Было бы здорово. *(Отгибает на руке мизинец.)* В первой стопке мужчин у меня *Духовники*. С ними я встречаюсь, когда мне хочется интеллектуального единения. Или напала зеленая тоска. Это сугубо беседы, никаких постелей. *(Решает снять кольцо со следующего пальца.)*

ТАВРУЕВ *(отражению)*. В точку. Эта стопка не про нас. Неэстетичная. Ведь интеллектуальное единение своей незаконченностью оставляет осадок не только на душе. Но и на плавках...

ЕЛЕНА. Вторую *(отгибает палец уже без кольца.)* я зову *Мальчики Ромео*. Ими я увлекаюсь, когда хочу романтических чувств, юного секса. *(Раскрывает средний палец.)* Далее у меня мужчины с наклейкой *Павловцы*. Это взрослый секс – по зову моей физиологии. И, наконец, моя самая любимая стопка со штучным товаром *(поднимает указательный перст, коронует его снятым кольцом)*. Ее я нарекла *Небесные любовники*. Это когда романтические чувства и духовное общение, юный и взрослый секс. Полная гармония!.. *(Затем поднимает вверх большой палец.)* И... не слышу лейбла, Кирилл?

ТАВРУЕВ. Сей-час... *(Отходит к столу, извлекает из пачки сигарету, закуривает. После нескольких затяжек.)* Сдаюсь! *(Опускает свой большой палец руки вниз к полу.)* Елена, твой расклад мужчин само совершенство. Ни добавить, ни отнять. Видно, я из тех мужчин, о ком говорят в семье не без уроды. Вчера ты просто промахнулась стопкой. *(Садится в кресло.)*

ЕЛЕНА. А знаешь, чем ты купил меня вчера в ресторане? Мне нравятся мужчины, которые умеют красиво знакомиться. Правда, поначалу я не поверила, что ты из них. Когда

официант передал мне от тебя конвертик из салфетки, я хотела сразу его выбросить. Подумала, что там написана очередная пошлость или банальность. Но что-то меня остановило, и я развернула салфетку. Признаюсь, твои стихи здорово легли на мое настроение. (*Воспроизводит их по памяти.*)

ПРЕКРАСНОЙ НЕЗНАКОМКЕ

*И я б послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, Аи.
Но розы поэтов увяли,
И уксус в винах любви...*

(*Снимает со спинки стула рубашку Тавруева, надевает ее и встает с тахты. Подходит к окну, раздвигает шторы, распахивает створки рамы. С любопытством выглядывает во двор.*)

ТАВРУЕВ (*про себя*). Как же сегодня много солнца! Ее московская мордастость зада так и режет мне глаза. Вытолкать вон?!. Эээ, не ври хоть себе: никого ты не выгонишь. Как не вытолкал других женщин – вот так же просыпавшихся в этой мастерской. Теперь по накатанному. До того утра, когда уже ни слова, ни жесты будут не нужны. (*Елена покидает окно. Подходит к зеркалу шкафа, забрасывает волосы за плечи, смотрится. Затем достает из дамской сумочки, подвешенной на дверной ручке шкафа, очки в модной оправе. Надевает их и рассматривает картины на стенах мастерской.*)

ЕЛЕНА. Надо признать, что женщины тут до меня были красивые. (*Переходит к холстам, развешанным на следующей стене. Останавливается возле картины.*) А эту картину ты как назвал?

ТАВРУЕВ. *Луна наизнанку.*

ЕЛЕНА. Забавно. Я бы с удовольствием повесила ее у себя в квартире.

ТАВРУЕВ. Она прикована к моей стене *цепями*. Даже галерейщики на нее лишь облизываются.

ЕЛЕНА. Жаль. (*Поворачивается в его сторону.*) Кирилл, а тебе не обидно? Галерейщики сначала скупают картины по дешевке. А потом выручат за них, особенно после смерти художника, целое состояние.

ТАВРУЕВ. Лично я на галерейщиков не в обиде.

ЕЛЕНА. Странно. На художника не от мира сего ты не похож.

ТАВРУЕВ. Я уже с ними по квитался.

ЕЛЕНА. По квитался? Подкараулил их ночью у подъезда и набил морды? Расскажи, расскажи, мне очень интересно, чем ты им отплатил.

ТАВРУЕВ. Мукой. Я, как Ван Гог, намешиваю ее в краски только в большей пропорции. Значит, после моей смерти вскоре за моим телом рассыпаться в прах и мои картины. А может и раньше.

ЕЛЕНА. Оригинальная месть. А краски на картине *Луны наизнанку* тоже с мукой?

ТАВРУЕВ. Она единственное мое исключение.

ЕЛЕНА. Кирилл, обещаю тебе, что мой портрет ты будешь писать нормальными красками, как *Луну*. Я не хочу, чтобы потом, когда он начнет крошиться, мои будущие внуки подняли меня на смех. (*Задерживается возле пустого мольберта.*) Кстати, я буду позировать тебе прямо сейчас?

ТАВРУЕВ. Вряд ли... сейчас не срывается.

ЕЛЕНА. Но вчера в ресторане ты говорил, что уже утром начнешь писать мой портрет. Я буду твоей *Саскией*!

ТАВРУЕВ. Тебе не повезло, Елена. Сегодня в мастерской слишком много солнца. Что все вокруг до боли режет мне глаза.

ЕЛЕНА (*в сторону*). Рембрандт херов. (*Вслух*.) Утерлась. Буду знать, в этой мастерской не исполняют желания Саский. Правда, мне больше нравится красота женщин Рафаэля. Она интеллектуальнее. Хотя сам он, говорят, постоянно сетовал, что настоящие красавицы перевелись в Риме. (*Забирается на табурет для портретируемого*.) Интересно, а какой бы он нашел меня?

ТАВРУЕВ (*неожиданно резко*). Стой так! не двигайся. (*Поспешно гасит сигарету в пепельнице. Покидает кресло, ставит чистый холст на мольберт. Угольным карандашом начинает набрасывать контур фигуры позирующей. Елена быстро устает стоять неподвижно*.)

ЕЛЕНА (*капризно*). Кирилл, ты не сварьшь мне кофе?

ТАВРУЕВ. Елена, не вертись! Кофе потом. (*Статичное позирование тяготит Елену. Она громко вздыхает*.)

ЕЛЕНА. Без кофе я сейчас засну... Тогда расскажи что-нибудь. Художники во время сеанса всегда развлекали свою модель.

ТАВРУЕВ. По утрам я плохой затейник.

ЕЛЕНА. ...о, Кирилл, а ты читал, не помню в каком журнале, о казусе статуи Венеры Милосской с одеванием? В современных одеждах она выглядела заурядной овуляшкой. Совсем пропала ее грация. Это убило художников.

ТАВРУЕВ (*отрывается от холста*). В моей мастерской меня убивает другое. Когда на стул вместе с современными одеждами женщин – улетает и их грация... (*От досады бросает карандаш на рабочий стол*.)

Картины 2 и 3

Мастерская. Тавруев в рабочей синей блузе сидит в кресле, курит. Звонок в дверь.

ТАВРУЕВ (*кричит*). Открыто!

Входят Анатолий и Василий. Первый сразу идет к мольберту, изучает закрепленный на нем холст. Василий останавливается у шкафа, вертится перед зеркалом. Затем садится на табурет портретируемого. Тавруев задерживает взгляд на его обуви, смеется.

ВАСИЛИЙ. Тебя рассмешили мои туфли?

ТАВРУЕВ. Как-то в вагоне метро, Василий, я, оглядывая сидящих напротив, подметил. Что положение ступней вкупе с видом обуви – это копия выражения лица их владельцев. Карикатура до восхитительной схваченности! Пора человеку заиметь привычку садиться на стул перед зеркалом в обуви.

ВАСИЛИЙ. Лично я люблю, чтобы зеркало мне льстило. (*Покидает табурет, отходит к стене, рассматривает холсты.*) Вроде бы, я был у тебя недавно. А на стенах не нахожу ни одной знакомой картины. (*Оглядывает стену.*) Всех согнала твоя новая модель! (*Его привлекает один из холстов с ее изображением.*) Интеллектуалка с голливудской сексапильностью... Когда закончишь портрет, я обязательно тисну о нем комментарий в своей колонке. (*Направляется к следующей стене.*) Ба! ты даже смахнул со стены свою знаменитую Луну наизнанку. (*Удивленно.*) И когда ты успел столько намалевать – ты что заточил модель у себя в мастерской? (*Задерживается у небольшого листка, прикрепленного к стене.*) Да ты и все холсты на нее извел. Уже пишешь на каких-то листках из детского альбома для рисования.

ТАВРУЕВ (*насмешливо*). Как тебе, Василий, ромашка на этом альбомном листке? Чтобы ты тиснул о ней в своей колонке? (*Гасит окурок в пепельнице.*)

ВАСИЛИЙ. Что бы? (*Его аккуратный лоб искажается морщинками.*) Этот цветок – это отражение надрыва, излома чувств живописца. Надломанные же фиолетовые лепестки ромашки вызывают у зрителя ощущение – не надейся, что красота спасет мир. А на его невольный вопрос – тогда что? Ответ художника прост: ищите, и не обрящете... Такая ухмылка характерна для картин неоэкспрессиониста Тавруева.

ТАВРУЕВ (*со смехом*). Увы, Василий, ты ткнул пальцем в небо. Этот цветок не мой, а пациента Кащенко. Его ромашка – это ядовитая насмешка над неоэкспрессионистами. (*Встает.*) Я месяцами изводился, чтобы мой цветок имел такие же больные изломы и цветосочетания. Я учился отключаться перед мольбертом от контроля сознания. Проглотил для этого кучу восточных систем, алкоголя, перекурил немало травки. (*Подходит к листку.*) А здесь не мучились и пяти минут. Так оставим идиотово – идиоту.

АНАТОЛИЙ. Как у тебя, Кирилл, все просто. Увидел какой-то дурацкий листок с картинкой – без колебаний скинул с мольберта все чему отдал не один год. И поставил чистый холст. (*Нервно меряет своими длинными ногами мастерскую.*) Я вот не могу ни на что решиться. Ничего не могу довести до конца. Сегодня утром проснулся, а к мольберту ноги не идут. Чувствую, что там меня опять ждет крушение... И точно подошел, глянул на холст – краски потекли, замысел разрушился. (*Снова останавливается у мольберта, к которому подошел Василий. Ему из-за спины.*) Да, и я хотел бы такую интеллектуалку в очках... И я заточил бы эту Елену Прекрасную в своей мастерской. У художников, Василий, клептомания на красивые натуры. Заеваешься, пока продерешь глаза с похмелья... А твоя модель уже сидит на волосатых коленях какого-нибудь концептуалиста. (*Невесело смеется.*)

ТАВРУЕВ. Тебе, Анатолий, мерещиться не та Елена – ущипни себя за бороду.

АНАТОЛИЙ. Не та? (*В недоумении вновь поворачивается к холсту.*)

ТАВРУЕВ (*резко*). Анатолий, мне сейчас не до говорильни. Я жду модель. Она вот-вот придет. (*Демонстративно смотрит на часы на руке.*) Мне нужно собраться. Я настроен работать. Придется вам сейчас покинуть мою мастерскую. (*Друзья недоуменно переглядываются, но уходят.*)

ВАСИЛИЙ. Пойдем, Анатолий. Пока хозяин мастерской нас пинками не погнал.

Тавруев один, подходит к мольберту.

ТАВРУЕВ. ...хохочешь, Кадетова? Щелкнула меня по носу! Поделом. Выставился с тонкой иронией на поклонницу Рафаэля. И когда? Когда восприятие зрителя оборвалось на оправе очков. А высшим мерилом красоты стало – хотеть такую... (*Собирается снять холст со станка. Но снова раздается звонок в дверь. Кричит.*) Открыто!

Входит Елена.

ЕЛЕНА (*нервно*). Кирилл, извини, куртку я не буду снимать. Я ненадолго. Я зашла попрощаться, чтобы не быть бестактной. (*После короткой паузы.*) И сказать тебе спасибо за науку. В твоей мастерской, Кирилл, я многое поняла. Что я просто женщина со всеми ее слабостями и недостатками. И хочу, чтобы меня любили и восхищались мной такой, какая есть. Менять себя уже поздно. Я устала.

ТАВРУЕВ. Быстро ты выдохлась. Но, видишь ли, Елена, есть одна закавыка. Чтобы было милым все, чему ты даруешь жизнь, ты недостаточно наивна и непосредственна.

ЕЛЕНА (*иронично*). Скорее недостаточно умна... по твоей теории. Надо ж придумать, что женщина умна – умом своего мужчины. Хотя с этим я, может, и согласилась бы. Но при условии, что мужчина меня любит. А когда я нужна ему только, как натура для подиума и по настроению для тахты... О, я поражаюсь самой себе. Как я могла пасть до ню-гейши? Даже купилась на твой принцип. *Не унижать Красоту презервативом!* Рисковала своим здоровьем. Но кажется, я, наконец, вырвалась из этого рабства. Я ухожу. Прощай, Кирилл!

ТАВРУЕВ (*насмешливо вслед*). Одумайся! ведь женщина – это вечное искание кому бы подчиняться. (*Снимает с мольберта холст. Бросает его в стопку других в углу мастерской.*)

Картины 4, 5, 6 и 7

На развале картин уличных художников на Крымском Валу. Тавруев (уже в черной кожаной куртке) ходит среди посетителей вдоль стендов, механически рассматривает выставленные полотна.

ТАВРУЕВ. Сюда-то зачем меня ноги принесли? На шумное буйвище мертворожденных холстов. Хотя, тихие модные галереи – тот же погост в яркой упаковке. *(Вдруг при виде одного полотна останавливается.)* Кажется, один холст тут окунули в живую и мертвую воду... Этот портрет рыжеволосой женщины – уличный шедевр! И не только. Даже великим мастерам прошлого редко удавалось вдохнуть жизнь в краски дисгармонией. Страха и нежности, как на этом портрете... Моляру выпала шальная удача на один раз? Что-то здесь не так? *(Подходит к холсту. Молодой уличный художник, видя заинтересованность его картиной, приближается к Тавруеву.)*

УЛИЧНЫЙ ХУДОЖНИК. Вижу, Вам понравился этот портрет. Хотите приобрести его?

ТАВРУЕВ. Почем он?

УЛИЧНЫЙ ХУДОЖНИК *(неуверенно)*. Ну, тысяча тридцать... пять. Рублей, конечно. *(Тавруев начинает хохотать.)* Ну, двадцать...

ТАВРУЕВ. Коллега, я давно так не смеялся. Будь я не художником, а галеристом-мошенником, я бы сейчас же кинул тебе эти деревянные. И быстро смылся бы с этим портретом. Пока простак не понял обмана. Даже в не самый базарный день этот портрет стоит не меньше пятидесяти, а то и ста тысяч евро.

УЛИЧНЫЙ ХУДОЖНИК *(осажен)*. Коллега издевается?

ТАВРУЕВ. Да нет. Я пересмотрел кучу современных портретов – равного этому не встречал. Так что, когда у тебя будут спрашивать его стоимость, говори настоящую цену. Этот портрет достоин, чтобы его увидел мир.

УЛИЧНЫЙ ХУДОЖНИК. Так ты не шутишь.

ТАВРУЕВ. Нисколько. Вот только меня мучает один вопрос. Что за тайна у этого портрета? Не расскажешь, что тебя побудило его написать.

УЛИЧНЫЙ ХУДОЖНИК. Сразу чувствуешь, что перед тобой настоящий художник. Никто еще не спрашивал меня о тайне создания этого портрета. Даже мои близкие друзья художники. А она есть. *(Вспоминает.)* ...это была ночь перед опасной для меня операцией на глазах. Я был тогда в панике. Мне казалось, что жизнь для меня кончилось. Завтра я ослепну. Сам понимаешь, каково это осознавать художнику. Тут ко мне в мастерскую зашла жена. Меня пронзило, как током. Я же больше ее не увижу!.. Я схватил чистый холст, поставил его на мольберт. Попросил жену остаться. Я за ночь написал ее портрет.

ТАВРУЕВ. И прибил ее образ, словно железными гвоздями, к полотну. Навечно. Но операция прошла успешно. И вот ты здесь, продаешь этот портрет. Что ж, удачи тебе. Не забывай, о его настоящей цене. *(Уходит. Про себя.)* Но он был Ван Гогом на час...

Тверской бульвар. Тавруев замечает возле стенда с фотографиями девушку. Она в легком черном пальто с белым шарфом, один конец которого романтически перекинут через плечо. В руке у нее букет желтых мимоз.

ТАВРУЕВ. *Повинуясь этому желтому знаку... (Подходит к девушке. Та демонстративно отходит на другой край стенда. Ей после некоторой паузы.)* Лалара, сказать Вам, что самое противное при знакомстве с женщиной на улице? *(Убедившись в должном молчании.)* Видеть первые пять минут ее отвратительной игры в комедию: *Да за кого они меня принимают!*

ДЕВУШКА *(из-за спины)*. А через пять минут?

ТАВРУЕВ. Если покрутился перед ней пудельком на задних лапках, она станет более или менее человеком.

ДЕВУШКА. Даже человеком... *(Оценивающе окидывает взглядом Тавруева.)* А вы, наверное, мило смотрите, когда захотите покружиться перед женщиной на задних лапках. И часто такое случается?

ТАВРУЕВ. Иной раз под настроение. Но не сейчас.

На той же аллее. Идут Тавруев и девушка с чертежным тубусом в руке.

ТАВРУЕВ. А вы подходите к такому решеньицу ну эдак недельки через две?

ДЕВУШКА. Не могу же я, только узнав имя мужчины, идти к нему, что называется на хату. Представляю, какое у него будет обо мне мнение.

ТАВРУЕВ. Думаете, что через две недели его мнение о Вас изменится?

На скамейке троллейбусной остановки. Сидят Тавруев и девушка в шляпке. Молчание затягивается. Девушка достает из сумочки зеркальце и губную помаду. Подкрашивает губы. Не отрываясь от зеркала.

ДЕВУШКА. Кирилл, не молчи, скажи что-нибудь.

ТАВРУЕВ.??

ДЕВУШКА. Когда же это, наконец, кончится! *(Убирает зеркало и помаду в сумочку.)* Я все время наступаю на одни те же грабли. Постоянно твержу себе, что мне пора искать мужа, а не умного мужчину. Но каждый раз, как встречу его, увлекаюсь. И моя установка летит к чертям! *(Нервно сдувает с глаз завитки волос, закуривает сигарету.)*

ТАВРУЕВ. А я, значит, как кандидат в мужья, совсем плох?

ДЕВУШКА. Совсем. Ведь замуж выходишь, чтобы можно было расслабиться. Было кому поплакаться о своих болячках.

ТАВРУЕВ. Скажи, почему, когда ты ехала в троллейбусе, казалось, что ты явилась нам не из здешнего века?

ДЕВУШКА. Мне было просто дурно: от сидящей рядом женщины несло дешевыми духами.

Вагон ночного трамвая. В нем едут трое пассажиров. Тавруев сидит в кресле, склонив голову к окну. Впереди на следующем сидении – мужчина в старомодном плаще. На переднем сидении лицом к ним – юная девушка в велюровой с большим козырьком кепочке и коротенькой юбке. На остановке в вагон вваливаются двое молодых парней, идут по проходу вагона. У первого в руке початая бутылка вина. По ходу они разглядывают пассажиров. Заметив девушку, парни бесцеремонно подсаживаются к ней.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ *(сходу протягивает ей бутылку)*. Малышка, не хочешь выпить с нами вина – расслабиться?

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Да не бойся ты, это чистый сухач.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. Сухач, сухач, малышка.

Мужчина в старомодном плаще возмущен происходящим напротив, собирается вмешаться. Тавруев придерживает его намерения рукой за плечо.

ТАВРУЕВ. Вы хотите предстать перед ними шутом? Рискуете быть закиданным костями...

НЕЗНАКОМЕЦ. Но парни совсем не умеют вести себя с женщинами. *(Девушка после некоторого колебания берет бутылку, пьет под одобряющие возгласы парней.)*

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. Умница! *(Подхватывает девушку и сажает ее к себе на колени.)*

Троица повеселела от удачного и быстрого знакомства. Бутылка вина ходит по кругу.

НЕЗНАКОМЕЦ. Разве так нужно развлекать женщину?! Они даже не осознают свою дикость. *(Тавруеву.)* Вы не задумывались, что случилось, когда мужчина перестал правильно ухаживать за женщиной? Она растерялась. Стала кидаться в опасную крайность.

ТАВРУЕВ. Но цели у сторон не изменились.

В это время первый парень склоняется к девушке и что-то шепчет ей на ухо. Они быстро поднимаются и уходят в конец вагона. После их ухода воцаряется молчание.

ТАВРУЕВ *(мужчине)*. Спокойно. Пока нет ничего криминального.

Через какое-то время первый парень возвращается один. Лицо мужчины в старомодном плаще выражает удивление и тревогу.

ТАВРУЕВ *(ему)*. О помощи никто не кричал.

Первый парень садиться к товарищу.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ *(выдыхает)*. Уфф, кайф! Серж, девочка класс. Все делает, как надо. Иди, она ждет тебя в конце вагона. *(Серж передает бутылку первому парню и устремляется в конец вагона.)*

Вскоре Серж возвращается уже с девушкой, довольной собой, что понравилась ребятам. Она опять садиться на колени к первому парню. Он протягивает ей бутылку. Девушка допивает оставшееся вино в бутылке и переворачивает ее горлышком вниз. Последние капли падают на носок ботинка первого парня. Все хохочут ее аттракциону.

НЕЗНАКОМЕЦ *(Тавруеву)*. Грустно мне смотреть на эту девушку. Что будет с ней через несколько лет... Мне даже плакать хочется.

ТАВРУЕВ *(насмешливо)*. Да бросьте вы ломать комедь. Вам тоже хотелось сбегать в конец вагона к секси девочке. Да знали, что там Вам не обломится. Папулю она лишь поднимет на смех... А плакать Вам хочется от злой досады на свои бывшие бесконечные проблемы с женщинами. Тешит лишь злорадное чувство. Девочка еще раскается о промотанной красе по вагонам и подъездам. Но, увы, не раскается, не надейтесь. Сексреволюция в отличие от других свои завоевания не сдает...

Картина 8

Мастерская. Тавруев снова в темно-синей рабочей блузе перед чистым холстом на мольберте.

ТАВРУЕВ (*опускает кисть*). Увы, одним порывом желания написать – не схватить образ этой призрачной Женщины. Какая ты сегодня? Где искать разгадку твоей красоты? (*Кладет кисти на стол. Подходит к книжному стеллажу, берет с полки альбом с репродукциями. Листает его страницы. Находит нужную ему репродукцию картины.*) Рождение Венеры... (*Какое-то время пристально рассматривает ее.*) Нет, флорентинец вял для наших дней. (*Кладет альбом на стеллаж. Затем извлекает том Стендаля, листает. Читает вслух.*) Если бы надо было снова выработать идеальную красоту, пришлось бы изобразить следующие качества: необычайно живой ум... (*Отрывается от страницы.*) Я предпочел бы необычайно чуткий... (*Снова возвращается на страницу.*) ...и не много грации... а полная естественность в чертах лица. (*Пробегает глазами далее по строчкам. Отрывается от них.*) Да, самое живое выражение душевных движений – в глазах. Конечно, современные глаза женщины должны быть очень большие. Но только не сверкающие блеском остроумия... Умна, но без рисовки. (*Пытается мысленно соединить все эти умозрительные черты в образ.*) Нет! ты не оживаешь. (*Закрывает книгу и ставит ее на полку.*)

Звонок в дверь. В мастерскую, не дожидаясь разрешения, с шумом врывается Прасолов. Длинное легкое кашемировое пальто скрадывает его раннее брюшко.

ПРАСОЛОВ. Кирилл, извиняй, что без приглашения. У меня форс-мажор. (*Замечая на лице Тавруева признаки досады.*) Ты не в настроении, сосед?

ТАВРУЕВ. Не обращай внимания, сплин.

ПРАСОЛОВ. Сплин?.. Ну, тогда я быстро. Нет ли у тебя какой-нибудь популярной книжонки по сплинам? Тьфу ты!.. картинным стилям. Я тут познакомился с одной интеллектуалкой. Так она, даже когда мы занимаемся любовью в моем Мерсе, достает меня. Теревит и теревит, как я отношусь к ее любимому стилю Ренессанс? А я в ответ лишь мычу... Культурки не хватает, чтобы вякнуть что-нибудь толковое. (*Тавруев выбирает на полке подходящую книгу. Отдает Прасолову.*) А еще я хочу купить у тебя какую-нибудь картину. Пора мне начинать вкладывать в искусство. (*Подходит к стене, рассматривает висящие на ней холсты. Тыкает пальцем в холст.*) Так это же моя интеллектуалка! (*Ревниво.*) Она и с тобой... Или она просто заказала тебе свой портрет?

ТАВРУЕВ. Вроде того.

ПРАСОЛОВ (*успокаивается*). Ааа... Слушай, сосед, продай мне его. Тут ее приспущенные трусики меня просто заводят!

ТАВРУЕВ. Это этюд к незаконченному портрету. ...который, правда, уже не будет закончен. А! забирай за так. (*Прасолов торопливо снимает холст со стены.*)

ПРАСОЛОВ. Кирилл, ты не прогоришь. Я покрою тебе твое за так заказом своего портрета. По телефону договоримся, когда мне нужно будет зайти позировать.

ТАВРУЕВ. Нет, Прасолов, с твоим портретом ничего не выйдет. По мне лучше удивиться, чем писать заказчика павлином. А изображу тебя фазаном-аргусом, ты и сам мне не заплатишь.

ПРАСОЛОВ (*начинает злобно сопеть*) Это будет карикатура?

ТАВРУЕВ. Скорее соцреализм.

ПРАСОЛОВ. И чем же прошумел это кочет?

ТАВРУЕВ. Эволюционной манией наращивать прибыль своих крыльев. Аж до потери способности летать.

ПРАСОЛОВ (*вспыхивает*). А ты не боишься, что мы, бизнесмены, обидимся на художников? И не станем *Саввами Морозовыми*.

ТАВРУЕВ. Нет – обиду вы проглотите. Все нувориши на тусовках жаждут засветиться с богемой. А за это придется платить.

Прасолов не находит слов. Резко разворачивается и устремляется с холстом и книгой в руках вон из мастерской. Слышен громкий удар ногой в дверь. Тавруев возвращается к мольберту, долго смотрит на чистый холст, затем снимает его.

Часть вторая

Картины 9 и 10

Кафе. Вечером. За столиком напротив окна сидит Елена. Мимо по тротуару проходит Тавруев. Замечает Елену в окне, останавливается, смотрит на ее лицо.

ТАВРУЕВ. Какая неземная тревога в ее глазах! Вот она извечная насмешка природы: когда глаза женщины – зеркало чужой души... Иль потерянной? (*Ответить не успевает. К столику Елены подходят Василий и Анатолий с бокалами вина.*) И видение призрачной Женицыны пропало. (*Василий, что-то говорит собеседникам, кивает на окно. Они смотрят в сторону Тавруева и смеются. Он невольно отшатывается от окна.*) Бред! я не видим им. (*Однако отходит в тень.*) Зайду в кафе – вдруг она мне снова явится.

Тавруев заходит в кафе, подходит к столу, за которым сидят Елена, Василий и Анатолий. Приветствует их, садится на свободный стул. За столом воцаряется натянутое молчание. Первой не выдерживает Василий.

ВАСИЛИЙ. Кирилл, у тебя такой вид, будто тебе скулы свело от скуки.

ТАВРУЕВ. Да, мне часто бывает скучно, когда я не один.

ЕЛЕНА. Тавруев, с таким кислым лицом тебе трудно будет найти новую натуру для портрета. Или уже нашел? В Москве полно эффектных топ-моделей.

ТАВРУЕВ. Я решил не писать больше женщин.

ЕЛЕНА. Ты это серьезно сказал? (*На кивок Тавруева.*) У меня, Кирилл, такое впечатление, что ты в какой-то обиде на нас? А для художников мы всегда были богинями уже только потому, что мы женщины.

ТАВРУЕВ. Ты права. Среди цеховиков художники были последними язычниками. Но, кажется, и они спешно обращаются в современную веру.

ЕЛЕНА. Слава богу, что остались еще простые мужики, язычники.

Пауза.

ЕЛЕНА. О, Кирилл, я знаю, что ты раздаешь холсты с моими изображениями. Может, ты и мне подаришь мой незаконченный портрет. Хотя, для меня так и осталось загадкой. Почему ты считаешь его неоконченным? Портрет позволит мне реже смотреться в зеркало.

ТАВРУЕВ. Ты хочешь иметь портрет вместо зеркала? (*Мелькнувшей мысли.*). А почему бы нет? Клянусь, Кадетова, зеркало у тебя будет!... (*Встает.*) Я позвоню, когда ты можешь прийти за ним. (*Уходит из кафе.*)

Картина 11

Мастерская. Тавруев в рабочей блузе пишет на холсте заказанный Кадетовой портрет. Громкий звонок в дверь.

ТАВРУЕВ (*кричит*). Я еще... жив!

Снаружи за дверью слышны голоса Анатолия и Василия. Затем они уходят. В мастерской появляется Тень.

ТЕНЬ. Слабеешь, дружище... еще пару дней без еды и у тебя не хватит сил даже подать голос.

ТАВРУЕВ. Ааа, ты снова явился. Не волнуйся. Когда у меня не станет сил кричать, я буду кидать в дверь кисти.

ТЕНЬ (*заглядывает через плечо Тавруева на холст*). К намеченной цели – через освобождение от всего плотского. Чтобы *и руки и все чувства отончали*. Как русские иконописцы. (*Пританцовывая, направляется к табурету для портретируемого.*) Но почему ты во сне все время кому-то кричишь? Что у тебя на холсте будет не Кадетова.

ТАВРУЕВ. Да, не Кадетова!

ТЕНЬ. Конечно, ты можешь считать, что настоящие красавицы перевелись и в Москве. (*Садится на табурет.*) Однако, когда Рафаэль писал портрет женщины, то он никогда не говорил – что написал другую.

ТАВРУЕВ. А я пишу другую!

ТЕНЬ. Ну, хорошо, хорошо – другую. Только не кричи.

ТАВРУЕВ (*отрывается от холста*). Никто в Кадетовой не видит (иль не хочет) ту Женщину, которую она потеряла... Которую я воссоздаю на холсте по обрывкам, намекам. Продираясь через косметику, ринопластику, уколы ботокса... Но клянусь, я извлеку ее на свет белый! И прибью, словно железными гвоздями, к полотну. Навечно.

ТЕНЬ. Мда, жестокое ты подаришь Елене зеркало. Это как потерявшему руку пианисту, вдруг получить портрет. Где он в две руки наяривает по клавишам фортепьяно...

ТАВРУЕВ. Кадетова сама заказала мне это зеркало. (*Возвращается к холсту.*)

Картина 12

Мастерская. Тавруев свалился прямо в одежде на тахту, спит. Мечется во сне. Вдруг громко кричит: «Пошла, пошла вон!..» Резко вскакивает. Затем садится на тахту. Появляется тень.

ТЕНЬ. Ты так громко кричал, что я подумал, тебя насилуют.

ТАВРУЕВ. Ты угадал, только насильовали меня во сне. Мне приснилось, что за мной гонится огромная серая лошадь с ногами в яблоках. Словно в пятнистых колготках. Я забежал в какой-то сарай, спрятался за грудку ящиков. Но она нашла меня. Кося в мою сторону нахальный глаз, лошадь торжествующе скалилась. Она загоняла меня в темный угол с нескрываемыми сексуальными намерениями. И когда я почувствовал прикосновение ее потной шерсти, меня, как током, пронзили страх и омерзение. Я закричал. И проснулся. Самое же поразительное было то, что морда у этой лошади была с обликом Кадетовой.

ТЕНЬ. О, это вещий сон. Он предостерегает, что с написанием ее портрета тебя ждет поражение. (*Останавливается перед мольбертом, смотрит на холст.*) Бросай писать его, пока не поздно. Ведь ты современный Зевксид. Только он свою Елену Прекрасную собирал из частей тела у раздетых перед ним разных девушек. А ты пишешь свою Женщину из каких-то обрывков, каких-то оставшихся намеков. Повелся на эллинский миф. (*Отходит в сторону.*) Ну, успех блефа об античном художнике понятен. Никто тогда не читал диссертацию Чернышевского. Не знал, о неумолимом законе Красоты. Но ты-то читал... Увы, ни один художник не может создать образ по красоте выше стоящей перед ним живой женщины. Поэтому в твоём сне лошадь с обликом Кадетовой торжествовала свою победу.

ТАВРУЕВ. Но я видел свою Женщину! (*Вскакивает с тахты.*) Слышишь, ты, кретин, я видел ее в окне кафе.

ТЕНЬ. Опять орешь, да еще обзываешься. Я просто толкую твой сон.

ТАВРУЕВ. Плевал я на сон! Он меня не запугает. (*Берет палитру, кисти и неистово продолжает писать портрет.*)

Картина 13

Мастерская. Тавруев стоит в задумчивости перед мольбертом с опущенной в руке кистью. Резкий и долгий звонок в дверь. Тавруев какое-то время не сразу понимает, где он и что с ним? За дверью слышны голоса Анатолия и Василия. Запускает кистью в дверь. Голоса стихают. За дверью уходят. Тавруев подходит к столу, берет большую кружку с водой, жадно пьет. Не замечает появление в мастерской Тени.

ТЕНЬ (*перед зеркалом шкафа*). Скоро тебе не достанет сил даже кисть кинуть.

ТАВРУЕВ. Осталось недолго, и я закончу портрет.

ТЕНЬ. Может, немного поешь?

ТАВРУЕВ. Нет, желудочное удовольствие убьет мой настрой. (*Ставит кружку на стол. Устало садится на табурет. Тень продолжает рассматривать себя в зеркале.*)

ТЕНЬ. Да, на свежем воздухе мы с тобой не бываем. Кожа лица стала совсем отвратительной, пегой. (*Отходит от шкафа.*) По-моему, ты сам себе готовишь погибель. Из своих смутных представлений ты воплощаешь ясный образ – но его нет в жизни. А когда ты его закончишь, он навечно вселится в тебя. И тогда все земные женщины, которых ты будешь встречать, не будут тебя волновать... И еще учти. В жизни как? Все считают женщину неотразимой красавицей. Но ее мужу или любовнику всегда найдется, что скрывать о ней от других. Что они благоразумно и делают. А сами смиряются с этим, подавляют в себе остроту зрения... Но как ты сможешь сделать подобную скидку. Им-то свою женщину и сравнить не с кем? Да ты просто превратишься в кусок льда. А женщину, которая решится к тебе приблизиться, ты заморозишь одним взглядом... Тебя будет просто тошнить от влюбленных парочек в метро, на скамейках скверов. Их любовные нежности будут казаться тебе телячьими. А те, кто видят в земной любви только безобразное – тут долго не задерживаются... Конечно, тебя могли бы спасти чувства к воплощенной тобой на холсте *Женщине*. Но из-за своей врожденной трезвости ты будешь отвергать их, как эрзац.

ТАВРУЕВ (*с вымученной иронией*). Да, Пигмалионом я не родился. (*Тень подходит к мольберту, рассматривает холст.*)

ТЕНЬ. Все верно, ты не жилец на нашей глинке – ты сотворил себе кумира! И даже муки не намешал в краски. (*Замечает, что Тавруев поднимается с табурета, берет со стола нож.*) А все-таки жаль уничтожать такую Красоту.

ТАВРУЕВ. Кретин! Я не собираюсь резать холст. За Красоту художник готов вместиť в свою душу весь лед Вселенной. А нож я взял, чтобы перерезать провода электрозвонка. Его трезвон мне надоел. (*Идет с ножом к двери.*)

Картина 14

Мастерская. Тавруев сидит в кресле рядом с мольбертом. В дверь негромко стучат. Появляется Тень.

ТЕНЬ. Я думаю, и сегодня не стоит открывать дверь. Брось в нее кисть. Мы еще не закончили наш интересный разговор.

ТАВРУЕВ. Мы успеем его закончить. Тот, кто сейчас стоит за дверью, будет ждать до конца.

ТЕНЬ. А! значит – портрет закончен.

ТАВРУЕВ. Да, и ты по праву моего невольного напарника-затворника можешь первым посмотреть его. Сегодня моя *Женщина* явилась нам. (*Разворачивает к нему мольберт.*) Мой час настал! (*Тень рассматривает изображение.*)

ТЕНЬ. Что ж, считай, что наш разговор закончен. Иди, открывай дверь. Посмотрим, к чему приведет встреча твоей *Женщины* с той, которая сейчас за дверью. (*Про себя.*) А я на время скроюсь.

Тавруев идет открывать дверь. Входит Елена с нагруженным полиэтиленовым пакетом.

ЕЛЕНА. Здравствуй, Кирилл! Как ты себя чувствуешь? Я принесла тебе сок и бананы. (*Достает из пакета связку бананов, вместе с ней нечаянно вытягивается веревка.*) А веревку я взяла, чтобы перевязать портрет. Куда тебе положить бананы? Как советуют доктора, выход из голодной диеты лучше всего начинать с них.

ТАВРУЕВ. Ты думаешь, что я сидел на диете?

ЕЛЕНА. Мне сказали, что ты, как закрылся в мастерской, так ничего не ел. И я подумала...

ТАВРУЕВ. Ладно, пусть это будет диета. У меня нет ни сил, ни времени, чтобы что-то разъяснять. Идем к станку.

Елена кладет бананы обратно в пакет. Оба подходят к мольберту. Кирилл разворачивает к ней мольберт. Елена какое-то время смотрит на холст. Затем поворачивается к Тавруеву, обнимает его за шею, роняя полиэтиленовый пакет на пол. Восторженно целует Тавруева.

ЕЛЕНА. Кирилл, ты все-таки любишь меня! Я и раньше замечала, как твои чувства через краски спонтанно прорывались ко мне. Но тогда я боялась верить им. Ты всегда хотел казаться равнодушным. (*Снова поворачивается к холсту.*) Правда, тогда в красках еще не было такой убедительности, как в этом портрете! Теперь я поняла. Почему ты прежде упрямо твердил – что портрет не закончен.

ТАВРУЕВ (*про себя*). Она видит себя?!. (*Вслух.*) Елена, ты уверена, что ты видишь на холсте себя? Не ошибаешься?

ЕЛЕНА. Нет. И я счастлива, что художник, наконец, увидел, почувствовал, раскрыл меня. Открыл мою красоту!

ТАВРУЕВ (*глухо вторит ей*). И этот художник – Я... (*Начинает громко и безудержно хохотать.*) Ха-ха-ха... (*Елена испуганно смотрит на него.*)

ЕЛЕНА. Кирилл, почему ты смеешься, как безумный? ...от голода? Я слышала, от него бывают такие истерики. (*Смех Тавруева усиливается. У него от смеха уже нет сил стоять*

на ногах, валится на тахту.) Кирилл, не пугай меня... Ты сошел с ума?! (В ответ только безудержный хохот. Елена испуганно пятится к выходу, выскакивает из мастерской.)

Тавруев один, постепенно успокаивается. Поднимается. Видит на полу полиэтиленовый пакет, из которого вывалились связка бананов и конец веревки. Подходит к пакету, резко выдергивает из него веревку. Завязывает из нее петлю. Встает на табурет портретируемого. Привязывает свободный конец веревки к крюку в потолке, на котором висит старая люстра. Накидывает петлю на шею. Появляется Тень с горящей свечкой в руке. Насмешливо наблюдает за его приготовлениями.

ТЕНЬ. Хорошо, что тебя никто не видит. Залезть – в петлю, конечно, есть от чего. Сегодня здесь сгорел художник. *(Тушит пальцами свечку.)* Но ты посмотри в окно, какое на дворе ныне племя. *(Поднимает с пола связку бананов, отрывает один. Протягивает его Тавруеву.)* Банан будешь? Не хочешь. *(Кладет бананы на стол.)* Да, отмотай век назад – ты шагнул бы с табурета хотя бы к посмертной славе. Тогда казалось, что за разочарованием художника маячит вселенская табуретка... А нынче кому сопереживать его драме – это даже не крах брокера.

ТАВРУЕВ. Ты прав, сочувствовать художнику нынче не-ко-му. Дам лишь еще один повод мужьям в подъезде отметить перед женой. *Ты-то вышла замуж не за такого дурака, как этот наш моляр. (Снимает с шеи петлю.)*

ТЕНЬ. Но внизу тебя ждет Прасолов. Будешь писать мецената павлином? *(Тавруев собирается шагнуть с табурета.)* Тебе уже не вытянуть его фазаном-аргусом...

Нога Тавруева застывает в воздухе над табуретом.

Букетик мессалины ***Драма поэта***

Действующие лица

ЕВГЕНИЙ, *он же* ЕВГЕНИЯ *после смены пола.*

АЛЛА, *его мать.*

ПСИХИАТР, *завотделом по проблемам изменения пола НИИ психиатрии.*

ЛЕНЧИК, *первый мужчина Аллы.*

БРЮНЕТ.

БЛОНДИН.

ШАТЕН.

ЭДИК *и его* ДРУГ.

НАДЕЖДА.

ГРАФ.

МУЖЧИНА *с автобусной остановки.*

МУЖЧИНА *из дома под снос.*

ОН, *несостоявшийся муж Евгении.*

САНИТАР.

СОСЕДКА.

Пролог дуплет

Ранее утро. Комната на предпоследнем этаже девятиэтажного дома. Кругом разбросаны книги, скомканные распечатки черновиков с принтера. Евгений, студент Литинститута, стоит возле письменного стола, держит в руках очередной черновик. Перечитывает его про себя. Затем в сердцах комкает тот.

ЕВГЕНИЙ. Все! ни дня со строчкой. Поэт умер еще раньше бога. Уже нечего было сказать после слов:

*Я видел все дела, что вершатся под солнцем,
И вот – все это тицета и ловля ветра:
Кривое не выправить, а чего нет, не счесть*

(Отходит от стола.) После поэты лишь обезьянничали, насмешничали, компилировали. До нынешней пустоты. *(Бросает скомканный черновик в монитор стоящего на столе ПК.)* Все, валю из Литинкубатора! И куда? В Абиссинию, куда ж еще. По проторенной. *(Останавливается.)* ...бегать с поносом от тяжести пояса Рембо? Это каким же надо быть жизнелюбом. *(Непроизвольно трет пальцами рук напряженные виски.)* Уж лучше пойти в бомжи или воины, ИГИЛ¹ если б можно было прихватить с собой ванну... *(Своим мыслям.)* Тут с ума сойдешь не от того, что все позволено, а ничего сделать не можешь. Сделать-то нечего... *(Снова в раздумье ходит по комнате. Наступает на книгу, лежащую на полу. Читает ее название.)* Faust... Тебе, доктор, повезло. Тебе только к старости, а мне уже обрыдло быть. Тут молодящее варево с Кухни ведьмы бесполезно. Да и женщины для меня лишь секс-тренажеры с малой разницей в устройстве. *(Поднимает книгу, возвращает ее на книжный стеллаж. Останавливается возле окна.)* Светает. Кого-то новый день радует. А у меня на языке ни капли вкуса к жизни. *(Мелькнувшей мысли.)* Шагнуть в окно?! Испытаю хотя бы одно настоящее чувство – свободного полета, как птица... *(Распахивает створки окна.)* Видно, подкрышные этажи – неслучайная обитель поэта. *(Запрыгивает на подоконник. Вслед раздается резкий телефонный звонок.)* Кому я понадобился в такую рань? Ааа, совсем забыл. Моя маман сейчас в аэропорту. Опять летит в Эмираты с подругой по «горящей» путевке. Видно, объявили посадку. Осталось сказать сыночку в трубку – *До скорого!* Пустая интеллигентская формальность – ровным счетом ничего не значит. Тем более там, куда я лечу, счета другие... *(Телефон неумолкаемо трезвонит.)* ...ладно, простимся для приличия. *(Спрыгивает назад на пол, подходит к телефонному аппарату на столе, снимает трубку.)* Да, Виктория Петровна. Это я, Евгений. *(Изумленно.)* Вы звоните из Склифосовского? *(Переспрашивает.)* Мою мать сбила машина?! Она в коме... Конечно, сейчас же еду! *(Опускает трубку, смотрит в сторону окна. Затем быстро выходит.)*

Больничная палата. Пострадавшая в аварии лежит под капельницей. Рядом стоят врач и санитар, негромко переговариваются. С другой стороны кровати стоит Евгений с накинутым на плечи белом халате. Понуро смотрит на обреченную мать. У той начинается агония, от резкого движения она раскрывается. Санитар протягивает руку, чтобы накрыть простыней ее непристойно оголившиеся ноги. Вдруг та хватает его руку и заваливает к себе на кровать, хрипло крича: «Хочу!.. Хочу!..» Санитар пытается вырваться

¹ Террористическая организация запрещена на территории РФ

из ее объятий. Врач, путаясь в резиновых трубках свалившейся капельницы, силится ему помочь. Евгений оторопело наблюдает за неуклюжей борьбой троицы на кровати.

Часть первая

ВЫЗОВ

Комната в квартире после размена. Из старой мебели остался только стеллаж с книгами. Обстановка комнаты не богатая, но не лишена стиля. На диван-кровати валяется смятая подушка. Ближе к вечеру. Входят Евгения и губастый психиатр из отдела по проблемам изменения пола НИИ психиатрии. Она в черном элегантном брючном костюме. Он среднего роста в массивных роговых очках, из медхалата заметен круглый животик. Во время разговора периодически прыскает себе в рот дезодорант «Блиц-Фреш».

ПСИХИАТР. Евгения, нет слов! Повстречай я Вас на улице, ей богу (*прыскает себе в рот дезодорант*), не узнал бы. Вы стали настоящей красавицей. Прямо топ-модель! Вот что значит наши гормоны и южное солнце. Были в Сочи? (*Соблазняющие притягивает ее к себе. Но Евгения резко и подчеркнуто отстраняется. Психиатр неловко убирает руки. Голосом, соблюдающим формальности службы.*) Евгения, вижу, вы не ждали меня. И не рады встрече. Но таков заведен порядок в нашем НИИ психиатрии. Я обязан наблюдать за своими пациентами после смены пола. Ездить к ним на дом, чтобы убедиться, что они успешно адаптируются к новой жизни. Что с их психикой все нормально. Хотя та у Вас была изначально железной. Помните, свою хохмочку, когда подписали с нами договор? Я спросил, не страшно ложиться на операционный стол? А вы в ответ. *Лишь бы хирург не был под мухой. И не продолбил мне влагилице поперек...*

ЕВГЕНИЯ. Поверьте, доктор, с головкой (*стучает себя пальцем по виску*) у меня и тогда, и сейчас все в порядке.

ПСИХИАТР. Что и странно. Когда у молодого парня с головками было все в порядке, а он меняет пол. Ведь не было навязчивого страха коро. Мама не наряжала маленького Евгения в девчачьи платья. Не покупала ему кукол.

ЕВГЕНИЯ. Я просто захотел стать женщиной. Сейчас это понтово.

ПСИХИАТР. Конечно, конечно. Это понтовое желание половины всех наших мужчин. (*Оглядывает предметы, висящие на стенах.*) С церковью (*Освежает рот дезодорантом «Блиц-Фреш»*) у атеиста Евгения не было проблем. Как с этим у Евгении?

ЕВГЕНИЯ. Также без проблем.

ПСИХИАТР. Значит, иммунитет выстоял. (*Задерживается возле открытого окна. После ленивого раздумья.*) Вот только зазвучит ли у поэтессы стих?

О, скольким отсосала ты.

Поменяй в нем местоимение *ты* на *я*, и он становится, увы, вульгарной прозой.

ЕВГЕНИЯ. Поэт во мне умер еще до операции.

ПСИХИАТР. Ладно, с поэтом разобрались. А на счет желания шагнуть в окно, как?.. (*Неволью выглядывает в окно.*) Хотя отсюда – какой свободный полет птицы, скорее, кувыврание лягушки... Да, квартира удачно разменяна, второй этаж. Правильно, подкрышные этажи не про нас. (*Поворачивается к Евгении.*) Но помниться, Евгений видел в женщинах лишь секс-тренажеры с малыми различиями в устройстве.

ЕВГЕНИЯ... Был близорук, как все мужчины. (*Раздраженно.*) Знаете, доктор, пора заканчивать ваш обход. Вы выбрали неудачное время. Скоро ко мне придут гости.

ПСИХИАТР. Намек понял, первое randevu. (*Многозначительно приподнимает смятую подушку на диване.*) И тот счастливчик, увы, не я... Но я, собственно, закончил на сегодня свой обход. Что ж, Евгения, желаю Вам удачной ночи. (*Выходит из комнаты. Перед тем как закрыть за собой дверь.*) И до скорого. (*Удаляется.*)

ЕВГЕНИЯ. Лучше б сказал – *прощайте!* Зануда. (*Ходит по комнате.*) Ну как объяснить нормальному человеку, даже психиатру. Почему я стал женщиной? (*Остонавливается,*

непроизвольно трет пальцами рук напряженные виски.) Надо быть со мной в то утро у окна. А потом – в больничной палате. В ту минуту, когда моя мать в предсмертной агонии завалила к себе в кровать санитаря. Эта последняя схватка вождения со смертью по-новому открыла мне природу женщины. Ее защиту против фаустовой скуки. О, черт, ты мелкий шарлатан! Ты лишь провел Фауста за нос по уже затоптанному пустому кругу. Когда б ты знал настоящее средство от обрыдлости жизни, то превратил бы немца в женщину. Как я себя. (*Заводится.*) Я стал сам себе чертом! Я сам бросил вызов небесам, если там кто-то есть. (*В сторону вышедшего психиатра, который подслушивает за дверью.*) И в тот миг, когда я в позе Камасутры крикну: *Не хочу!..* Я проиграла. (*Психиатр за дверью.*)

ПСИХИАТР. Нагло. Но с Небес (*поспешно прыскает в рот струю дезодоранта*) согласно кивнули.

Первое свидание

Мысли Евгении спускаются на землю. Придирчиво оглядывает комнату.

ЕВГЕНИЯ. Надо убрать в комнате с глаз все лишние. *(По ходу уборки насмешливо напевает.) Ты девушкой к нему войдешь, но девушкой не выйдешь. (Задерживается возле зеркала трюмо. Отражению.)* Да, только мы с тобой острее всех понимаем. Почему слово секс берет начало от латинского глагола *seseare*... отрезать, отделить, вызвать боль. Но не будем о грустном. Сегодня у нас с тобой особый день. Прощание с невинностью... *(Склоняется ближе к поверхности зеркала.)* В глазах зеленые бесенята... кожа эластичная с легким загаром. Я действительно неотразима! Но какой мне взять тон с мужчинами – сексуальной интеллектуалки или сумасбродной римлянки? *(Смотрит на стильные часы, висящие на стене.)* Ой, времени до моего первого свидания осталось совсем мало. *(Снова придирчиво оглядывает комнату.)* Все готово к встрече. *(Замечает смятую подушку на диване.)* Нет, подушку надо убрать. Такой натюрморт слишком откровенный. *(Подходит, поднимает подушку. Видит под ней старую общую тетрадь..)* Забыла спрятать мамин дневник. *(Невольно задерживается.)* А о чем ты, мамочка, терзалась в первую ночь с мужчиной? *(Берет тетрадь, садится на диван. Находит в тетради нужную страницу, читает. Картина из дневника оживает перед ней.)*

Ночью. Тускло освещенный лестничный пролет дома. По ступенькам поднимается Алла. Сильно взволнованна. Вслед за ней идет Ленчик.

АЛЛА. В тот день я решила, хватит изводить свою киску руками. Пора дать ей волю, настоящую жизнь. А до этого я подслушала сплетни сокурсниц о факультетском половом гиганте Ленчике. Девки проверили, работает, как «динамо-машина». Целкой не оставит... Ленчик всегда ходил в мягких обтягивающих брюках, демонстрируя всем свое великолепное хозяйство. И вот он поднимается следом за мной. Дышит ровно, по-деловому, со знанием дела. *(Спотыкается.)* Лифт в доме, как назло, сломался. Половина лампочек в пролетах, как всегда, не горят – темень. А подниматься и без того почему-то жутко?! Будто я преступница... Мы прошли по лестнице уже половину этажей. А меня продолжает колотить. Поднялись еще выше... И тут меня осенило. Это не девять этажей в моем доме, а *девять кругов ада*. Они иногда перевертываются, чтобы попасть в свой круг. Просто идешь в обратном направлении не вниз, а вверх... Принимаю их порядок и иду наперекор жути. Наконец, мы у двери в квартиру. Я ощупью вставляю ключ в скважину замка квартиры. И открываю дверь – в свой *круг ада*... *(Алла и Ленчик исчезают. Из темноты.)* Утром я, конечно, уточнила – это был *второй круг*.

Лестничный пролет исчезает.

ЕВГЕНИЯ *(отрывается от тетради.)* Нет, мамочка, я не куплюсь на дантовы *круги ада*, мультик двусмешника. В преисподнюю и эдем, если они есть, не спускаются и не карабаются. Они всегда рядом с нами, под женскими трусиками. Хорошая штучка от пустоты и земной скуки... Однако, странно. И мне почему-то жутковато от предстоящей первой ночи с мужчиной? *(Звонок в квартиру.)* Поздно заниматься психокопанием. Моя новая судьба стучит, а точнее звонит в дверь! *(Кидает тетрадь в тумбочку. Идет открывать дверь. Затем в комнату вместе с ней входят трое мужчин. Она заметно нервничает, тербит пальцы рук.)* Никто не опоздал, похвально! Проходите, знакомьтесь. Но лишь потеряем время. Здесь

из вас останется один. *(Те произвольно оценивают взглядами друг друга. Евгения садиться в кресло.)* Сейчас вы все встаньте – напротив, к стене на свет. Конкурс на право первой ночи начинается. Полагаю, что вам понятно какая ответственность сейчас ложиться на вас? Если моим первым мужчиной станет брюнет, то после я невольно буду западать на брюнетов. Если блондин... Короче, так устроена женщина.

БРЮНЕТ *(тихо претендентам)*. Господа, а подушка на диване нас уже ждет.

ЕВГЕНИЯ. Я не сомневаюсь. Вы все мастера по игре на женских эrogenных зонах? *(Брюнет выскакивает вперед.)*

БРЮНЕТ. О, тут мне нет равных! Завожу с пол-оборота. Не успеем добраться до подушки. *(Кивает на ту на диване.)*

ЕВГЕНИЯ *(в сторону)*. Черт! я все-таки забыла ее убрать. *(К претендентам.)* Но я говорю о тех зонах, что не нащупаешь ни рукой, ни языком? Самым тонким и нежным у нас, женщин.

БРЮНЕТ. Как это не нащупаешь? *(Отступает назад.)* Господа, телка издевается над нами.

ЕВГЕНИЯ. Я никого не держу.

БРЮНЕТ *(на попятную)*. Ну... я лишь заметил, что конкурс чудиковатый. Вообще-то, я поймел баб в количестве с хорошую баржу. Но у всех у них все было под рукой.

БЛОНДИН. Господа, я что-то слышал про эти зоны. Но чем те заводятся, забыл, хоть убей.

ШАТЕН. Вашим интеллектом, господа. Интеллектом.

ЕВГЕНИЯ. Вот вы и показали, какой он у вас...

БРЮНЕТ *(негромко блондину)*. Точно, она издевается.

ЕВГЕНИЯ. Первый балл получает шатен. *(Торопливо.)* Теперь крутитесь, доказывайте свою побаску. Что женщина любит ушами.

БЛОНДИН. Я начну. *(После кивка Евгении.)* Не секрет, что к женщине можно подходить, как к предмету, а можно, как к предмету любви. *(К Евгении.)* Я же шел к Вам – как к богине!

ЕВГЕНИЯ. Уже греет. Блондину – полбалла. *(С любопытством смотрит на шатена.)*

ШАТЕН *(хитро улыбается)*. Есть одно японское предание. Но сначала *(к Евгении)* нашей богине придется скинуть брючки. *(Евгения, не задумываясь, исполняет его просьбу.)*

БРЮНЕТ *(загорается)*. Какие ножки!

ШАТЕН *(ему)*. Свой комплимент вы еще скажете. *(Продолжает.)* По этому преданию буддийский монах Кумэ за свои праведные занятия был награжден. Вознесением на небо. Но когда монах оторвался от земли, то на прощанье глянул вниз. И увидел во дворе девушку, которая стирала белье в тазу. Он невольно загляделся на ее заголенные ножки. И тут же плюхнулся обратно на землю. Досадуя на свою оплошность... Но если б монах Кумэ увидел ваши, Евгения, ножки, то о небе он просто забыл бы!

БРЮНЕТ. Цицероны собрались, мать вашу... Но я надеюсь, конкурс на этом не кончается. Мой язык в другой области не уступит никому *(виртуально демонстрирует его способности)*.

ЕВГЕНИЯ. Чей балл понятно. *(Кидает брючки на спинку кресла. Снова садиться в кресло.)* Теперь каждый из вас расскажет о своем любовном подвиге. Только не заливайте байки. Типа: когда я поднялся с женщины, то пиджак, в котором я пришел к ней, уже вышел из моды. Мы не на мальчишнике.

БРЮНЕТ. Вот это ближе к делу, а точнее к телу, ха-ха... Я, да-да, однажды так затрахал партнершу, что она вырубилась. Скорую вызывал. Не верите? Можем позвонить этой телке.

ЕВГЕНИЯ. Словно самец божьей коровки, довел самку до потери пульса. Это уже кое-что.

БЛОНДИН. С хорошим вином и закуской я тоже не посрамлюсь.

ШАТЕН. А я, если женщина меня понимает.

ЕВГЕНИЯ. Балл брюнету. Но секс без качества еще не все. Итак, последний тур: все спускают брюки и иже с ними... *(Брюнет профессиональным движением спускает брюки вместе с плавками, уверен в успехе. Блондин несколько замешкался с молнией брюк. Шатен демонстративно пропускает тур.)*

БРЮНЕТ *(радостно)*. У меня женилка больше! Я выиграл. *(Надевает брюки.)* С шатеном у нас теперь ничья, ха-ха...

ЕВГЕНИЯ. Значит, выбор за мной. *(Встает с кресла. Про себя.)* Мои симпатии на стороне шатена. Но как бы поступила на моем месте моя тата?.. *(Решительно объявляет.)* Остается брюнет.

БРЮНЕТ. Правильный выбор! *(Хватает с дивана подушку и в обнимку с ней танцует по комнате, распевая на мотив известной песни.)* Выбрали меня, Выбрали меня... *(Задерживается возле бывших претендентов, им снисходительно.)* А вы, господа, свободны. *(Те разочарованы, выходят. Брюнет продолжает танцевать.)*

ЕВГЕНИ. Брюнет, а тебе не жмут твои туфли? *(Тот останавливается, настороженно.)*

БРЮНЕТ. Чёй то они должны мне жать?

ЕВГЕНИЯ. Извини, вспомнила из анекдота слова шокированной американки после встречи с русским мачо. Ее так удивило, что примета подбирать любовников по размеру обуви, в России, не работает. Ладно, раздвигай диван.

БРЮНЕТ *(переполнен восторгом)*. А ты ножки!..

Еще... Еще!

В комнате. В ней вместо дивана уже стоит широкая итальянская деревянная кровать. Евгения лежит на ней поверх покрывала. Она в модном лиловом платье, плотно облегающим ее тело. В ожидании листает страницы дневника матери.

ЕВГЕНИЯ. Вот это место. (*Читает.*) О! божественный женский оргазм. Это единственные минуты, когда живешь по-настоящему! (*Поднимает голову.*) Да, мамочка, к этой правде ты двигалась по наитию. Но всегда на удивление верно. (*Переворачивает страницы.*) А вот и 66-ая страничка. (*Углубляется в чтение. В ее воображении снова предстает картина из дневника.*)

Алла в легком платье с чемоданом в руке спускается по цокольной лесенке санатория.

АЛЛА. Вчера был мой последний день на Черном море. С самого утра он не задался. Сначала я сломала каблук у моих лучших туфель. Потом, катаясь на водном велосипеде, уронила в море свою сумочку. С оставшимися деньгами. И страшно вспомнить, с обратным билетом в Москву. Но мне повезло. Молодой работник лодочной станции согласился купить мне обратный билет. Конечно, не за спасибо... Эдик предупредил, что с ним будет еще его друг. Его оговорка меня не смутила. И мы пошли к нему в служебный домик. (*После паузы.*) Я лежала на груди Эдика. Но в моей голове лишь роились мои морские несчастья... Вдруг! я ощутила, как кто-то начал пристраиваться ко мне сзади. Только тут я вспомнила об оговорке Эдика. Однако я продолжала не понимать, что его друг собирается делать? Ведь киска моя была уже занята (я впервые столкнулась с подобным). И была поражена, когда почувствовала, что ему есть с чем заняться... О! я тут же забыла о водном велосипеде, сумочке, билете и о самой Москве. (*Исчезает.*)

Евгения откладывает в сторону тетрадь, возбуждена.

ЕВГЕНИЯ (*повторяет*). О, я тут же забыла о водном велосипеде, сумочке, билете и о самой Москве... (*Невольно переворачивается на спину, предается фантазиям. Из кухни выходят два кавказца. Уже сильно постаревший Эдик несет на вытянутых руках над головой большое блюдо. Сзади его друг танцует лезгинку.*)

ЭДИК. Ындэйка гатова!

ЕВГЕНИЯ. Правильно, сначала мы хорошо подкрепимся. (*Эдик ставит блюдо на кровать перед хозяйкой.*) Птицу, Эдик, надо сначала разрезать.

ЭДИК. Это лючше сдэлаэт мой друг. (*Тот выступает вперед в руках у него армейский нож, одним взмахом рассекает лезвием ножа индейку пополам.*)

ЕВГЕНИЯ. Эдик, а откуда у него такой страшный нож?

ЭДИК. Мой дрюг слюжыл в развэдротэ.

ЕВГЕНИЯ (*в сторону*). Да, такому разведчику явно не нужны очки ночного видения...

В комнату входят Евгения и молодая кряжистая женщина. У той мужская стрижка, в мочке правого уха висит золотая серьга в форме топорика амазонки.

ЕВГЕНИЯ. Извините, Надежда. Но звезду розового секса я представляла себе иной.

НАДЕЖДА (*грубо*). Не нравлюсь, могу отчалить. Я без клиентки не останусь. (*Разворачивается.*)

ЕВГЕНИЯ. О, нет-нет, Надежда, не обижайтесь. Я с нетерпением ждала Вас. Мне так много рассказывали о ваших... способностях. Вы же русская Сафо. У вас такие спонсорши... Останьтесь.

НАДЕЖДА. Ну, тогда держись! Сегодня у меня боевой настрой. (*Начинает раздеваться.*)

ЕВГЕНИЯ (*в сторону*). Такая Сафо уж точно целует пупок изнутри...

В комнате полумрак. На спинке кровати пристроены цепи с наручниками. Появляется Евгения. Она в черной бархатной полумаске на лице, черных замшевых шортиках, таком же бюстгальтере и в черных по локоть лайковых перчатках. Останавливается возле зеркала трюмо. Придирчиво разглядывает свое отражение. Входит мужчина атлетического телосложения, в одних плавках. В руках у него плеть.

АТЛЕТ (*громко*). Императрица, ау! Ты где? Твой граф идет к тебе.

ЕВГЕНИЯ. Здравствуйте, здравствуйте, дорогой граф. (*Знаком руки останавливает его попытку подойти близко.*) Сначала проверим, как вы усвоили урок. Итак, что должен помнить мужчина, когда идет к женщине?

ГРАФ. Не забыть захватить с собой плеть.

ЕВГЕНИЯ. А когда придет?

ГРАФ. Отдать ее женщине... (*Передает плеть Евгении. Потом послушно ложиться на кровать. Евгения закрепляет в наручники, словно в распяты, руки графа. Затем начинает его безжалостно хлестать.*)

Утром. Евгения нежится в постели. Полуголый Граф с рубцами на спине вывозит из кухни столик на колесах. Останавливает его возле изголовья кровати. Молча подает Евгении чашку кофе. И также молча удаляется. Евгения делает несколько глотков кофе. Ставит чашку на столик. Снова нежится в постели.

ЕВГЕНИЯ. Я даже не успеваю крикнуть – Мгновение, повремени! Лишь прошу – Еще... Еще!

Часть вторая

Бесконечная ночь

Прошло несколько лет. Квартира Евгении после присоединения соседней стала многокомнатной. Ее обстановка уже роскошная. Евгения выходит из ванны в зал в легком халатике, в руках у нее эротический вибратор.

ЕВГЕНИЯ (*швыряет его на кровать*). От этого члена дохлого мула – никакого вдохновения! Какая изматывающая тоска... (*Непроизвольно трет пальцами рук напряженные виски*.) Почему-то о ней ничего не писала моя мамочка в своем дневнике. Всегда была бодра и уверена, что ее... от нее никуда не денется. (*Беспокойно*.) Кто-то подошел к двери. Наверное, он! (*Поспешно прячет вибратор под подушку. Прислушивается*.) Нет, показалось. Почему-то задерживается мой виолончелист – уже на целый час! (*Нервно*.) К своей развальной жене после концерта он несется, как угорелый. А ко мне, выходит, можно не спешить. Подожду – куда денусь. Нет, милый, ошибаешься! Только приди. Я сразу поставлю тебе условие: или я, или жена? Мне плевать, что ты привык к Саре, как к своей старой виолончели. (*Мечется по комнате*.) А может, он меня бросил? Конечно, мы все равно расстанемся, но почему сегодня? Почему непременно сейчас, когда мне так плохо? Нет, я уже ничего не понимаю. (*Резко останавливается*.) Хватить себя дурачить: концерт давно закончился. Мой виолончелист явно повернул свой восточный шнобель за какой-то студенточкой. Скачет рядом и нашептывает ей, мол, старый конь борозды не испортит... А плуг у Изи еще хорош. Да глупенькая не оценит. Ей Биланчика смазливого подавай. Все, я не в силах больше ждать. Заморозилась до гусиной кожи. Надо согреться. У соседки в заначке всегда есть беленькая. (*Выходит. Вдруг с лестничной площадки доносятся крики ругани. Через какое-то время в комнату снова вбегает взбешенная Евгения*.) И это подруга называется! Увела у меня виолончелиста. Изе, дескать, иногда хочется тихих ласк. Да еще предлагает мне поделить его. Составить нам ему график посещений. Я тебе составлю график. Я тебе его на лоб прибью, стерва! (*Видит себя в зеркале трюмо. Замирает*.) Что это со мной, крыша поехала? Нет, она еще на месте, но психоз налицо. А что, собственно, случилось? Что я так распахивалась? Надо тормозить. Старый козел просто пользуется мной. А я наивная дурочка переживаю. Надо отвлечься. (*Пультom включает телевизор. Садится в кресло. Через некоторое время нервно вскакивает*.) Брр! смотреть балет по телевизору – это пытка для женщин. Меня просто преследуют яйца танцоров. Я вижу только их и их!.. Которые у этих жеребцов подобраны, словно для рекламных роликов. (*Выключает телевизор*.) Нужно искать нового любовника. Иначе мой Изя доведет меня до психушки. Закажу мужчину на дом. Где-то у меня был каталог с их телефонами. (*Ищет каталог. Затем подходит к телефонному аппарату, Открывает каталог на удачу. Набирает несколько цифр номера, и бросает трубку*.) Нет, мужчина за удовольствие старается лучше, чем за деньги. (*Подходит к шкафу*.) Сниму на улице первого же сексуально озабоченного мужика. (*Переодевается в черное платье с большим вырезом на груди. Снова смотрится в зеркало трюмо*.) Эээ, мы так не договаривались! Я катастрофически быстро дурнею. Под глазами уже синева, куча мелких морщинок, словно кожу окутала паутинка. Мда, была телка, стала теткой... И все больше становлюсь похожей на свою мать. (*Задумывается. Собственное отражение размывается. Видит в зеркале Аллу, словно спускающуюся откуда-то по лестнице. Она тоже в вечернем черном платье, но не столь вызывающем. И также нервно ломает тонкие пальцы рук*.)

АЛЛА. Мне было тоже не по себе, когда у моей киски долго никого не было. В такие минуты я готова была растянуться посреди грязной улицы. И чтобы все проходящие мимо мужчины входили в меня. Мне было плевать, что у них будут немытые члены, уродливые лица. Во время секса я их не вижу.

ЕВГЕНИЯ (*видению*). У меня сейчас такие же минуты. Только я не хотела бы лежать в грязи (*болезненно морщиться*). А мужчины не должны быть уродами и немытыми. Во время секса я тоже их не вижу. Но потом он заканчивается. Мужчина, у которого до этого не было лица, снова обретает его и свои запахи...

Алла снисходительно усмехается и исчезает из зеркала.

ЕВГЕНИЯ. Надо бежать отсюда. Бежать! И чем скорее, тем лучше. (*Выбегает из квартиры.*)

Евгения лежит в смятом платье на кровати. Бутылка вина на тумбочке откупорена, в бокалах видны его розовые остатки. Из ванной комнаты доносятся фыркающие звуки моющегося мужчины под душем.

ЕВГЕНИЯ. Как чудесно! ждать партнера, блаженствуя от того, что уже получила. Ба! кажется, меня, сейчас осенило. Только женщина может наслаждаться своим оргазмом по-настоящему. Он у нее действительно божественный! Настигает, словно молния! Содрогаешься, кричишь, скачешь, несешься за ним. И вдруг – все, паришь вне пространства. Небесный эфир разливается по телу, нежно укутывая каждую твою клеточку. И остается в ее памяти надолго... А у мужчины он всего-навсего человеческий. Прикован цепями лишь к одному месту. Фу, пролетный и примитивный. (*Звуки льющейся воды душа в ванной комнате прекращаются.*) О, мой партнер сейчас вернется. Какая жаркая волна предвкушения сразу покатила по телу. (*Садится. Звуки льющейся воды душа вдруг снова возобновляются. Она нетерпеливо.*) Да что он там так долго возится в ванной комнате? На автобусной остановке был такой приткий. (*Звуки льющейся воды душа в ванной комнате окончательно прекращаются.*)

В комнате появляется мужчина в белом махровом халате с чужого плеча. Подходит к ней, останавливается. Со злостью бьет ее ладонью по щеке.

ЕВГЕНИЯ (*ошарашено*). За что?!

МУЖЧИНА. Все равно не поймешь... Я ухожу, а ты заведи себе дога. (*Собирает свою одежду, разбросанную по комнате. Одевается. Первым нарушает молчание.*) Хорошо, я попробую тебе кое-что объяснить.

ЕВГЕНИЯ. Я уже не хочу тебя слушать.

МУЖЧИНА. Нет, я начал, значит закончу. В постели я восхитился твоими криками. *Еще! еще!..* И откровенно позавидовал тебе: получать такое удовольствие. Кажется, я даже сказал тебе. *Что ты самая счастливая женщина на свете!* Но под холодным душем я остыл. И меня как ударило! А ведь тебе было все равно: я с тобой или кто-то другой... Ты стала мне противна. (*Поворачивается.*) Прощай! (*Выходит. Евгения вскакивает с кровати. Рас- терянно.*)

ЕВГЕНИЯ. О мужском бунте ничего не писано в мамином дневнике. (*Достает тот из тумбочки, листает.*) Ужель ни один ее мужчина не трезвел под душем? Да она попросту вычеркивала их из памяти и дневника. Чтоб не завились, как моль, комплексы. (*Роняет дневник на пол.*) Сейчас и я своего мужичку с автобусной остановки (*рукой сопровождает свои действия*) вычеркиваю, перечеркиваю, вымарываю... (*Останавливает руку.*) А он все пред глазами, да еще ухмыляется. (*Опускает руку.*) По Фрейду не выходит. Мужчинкина пощечина глубоко засела в кожу... Мне просто нужна грубая встряска от матки до мозгов. (*Задумывается.*) О, разыграю квипрокво из маминой истории. Правда, эта постановка

не без смертельного риска. *(Цепляется за мысль.)* То, что мне нужно. *(Открывает шкаф, вынимает шкатулку с драгоценностями. Достает из нее кольца, перстни, нанизывает их на пальцы. Вешает на шею золотой кулон. Сбрасывает с себя платье, хватая с полки кофту, юбку. На ходу переодевается, покидает комнату.)*

На первом этаже пустого дома, подлежащего сносу. Из-за тусклого света от разбитой керосиновой лампы на тумбочке не так бросается в глаза вид обшарпанных стен комнаты без дверей. Рядом с тумбочкой на полу валяется матрас с ржавыми пятнами. Евгений в ожидании сидит на единственном стуле без одной ножки. На ней вульгарная пестрая кофта и короткая красная юбка со сквозной молнией спереди. Не смотря на тусклый свет, золотой кулон, камни колец и перстней ярко выделяются на ее теле. Она в лихорадочном состоянии.

ЕВГЕНИЯ. Нет, мамочка, ты поспешила удрать. Когда увидела в отражении зеркала, как твой партнер на кухне приготовил удавку... Твое настоящее приключение только началось. В нешуточной борьбе страсти и смерти. Но ты струсила. Сейчас моя душа тоже ушла в пятки, а дыхание в низ живота. Но там же все дико колотится и, как никогда, сладко ноет... Желание и страх во мне сцепились насмерть. Но я не дам моему примитивному инстинкту выживания сделать меня трусихой. Я не удержу! Такое надо испытать до конца. И выиграть битву у костлявой. *(Кричит в темноту.)* Мужик, ты чего там копаешься? Я уже вся теку.

МУЖСКОЙ ГОЛОС *(из темноты)*. Сейчас, вымою его... и приду.

ЕВГЕНИЯ. Какой чистоплюй... Скорее бы этот питекантроп начинал. Еще чуть-чуть и у паду в обморок. Какая же бесконечная ночь!.. *(Непроизвольно трет пальцами рук напряженные виски. Из темноты появляется мужчина, в руках у него шелковый шнур-удавка. Он тихо подходит к стулу сзади Евгении.)*

МУЖЧИНА. Кричать, красотка, глупо. Здесь тебя никто не услышит. *(Евгения как загипнотизированная смотрит на удавку. Мужчина накидывает петлю на ее шею. Склоняется к ее уху.)* Как обещал, обслужу по полной колымской программе.

ЕВГЕНИЯ *(почти в безумии)*. Сначала возьми меня! От желания у меня все ляжки обварились... *(Растегивает молнию юбки. Мужчина смотрит на низ ее живота. Невольно.)*

МУЖЧИНА. Лохматка бритая! Точно у голой фарфоровой куклы.

ЕВГЕНИЯ. Это тебе не у Вальки с вокзала... *(Вид белого женского лобка расплывает мужчину. Он отпускает удавку. Рыча от нетерпенья, опрокидывает Евгению вместе со стулом на матрас. От беспорядочных ударов их ног по тумбочке керосиновая лампа падает и гаснет.)*

Странный посетитель

Комната Евгения. Она в беспмятстве лежит на кровати в той же кофте, юбке и тех же туфлях, что и в доме под снос. Приходит в себя.

ЕВГЕНИЯ (с тяжелым стоном). Какая жара!.. (Расстегивает ворот кофты.) И нет сил, встать под душ. (Замечает напротив сидящего в кресле странного посетителя.) Кого еще нелегкая принесла в такую рань? (Поднимает голову.) Как вы сюда попали? Вы из полиции? Я все-таки его убила?! И вы так быстро пришли за мной из-за какого-то беглого зэка? Надо же, какая прыть прорезалась у ментов. Вам что настоящих убийц не хватает?

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Ты опрометчиво оставила улику – отпечатки своих пальчиков на керосиновой лампе. Ею ты пришибла зэка насмерть.

ЕВГЕНИЯ. Этот была вынужденная самооборона. (Поднимается, садится.) Он душил меня удавкой. Спасаясь, я ударила его этой лампой по голове.

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Не беспокойся, улику я убрал. Полиция ее не найдет. (Вытаскивает из под кресла разбитую керосиновую лампу из дома под снос.)

ЕВГЕНИЯ. Да кто вы?! (Вглядывается в сидящего мужчину, лицом похожего на психиатра из НИИ. Он одет в костюм в крупную бело-голубую полоску. Губы и глаза подкрашены. На плутоватую улыбочку и ужимку гостя, устало.) Хотя я ждала, что когда-нибудь ты заявишься. Только в комнате от твоего присутствия почему-то невыносимый жар? Сядь подальше, чтобы я не парилась, словно в сауне. (Тот услужливо отодвигается вместе с креслом.)

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ (оживляется). Вот это чудно! Тебя больше волнует жара, а не мое появление и мое *differentia specifica*. Хотя, признаюсь, я никогда не понимал. Почему у всех писак в повествованиях в моем присутствии непременно несет космическим холодом. Спорно. Только от моей древней профессии (с глумливым смешком) истопника... уже должно бросать в жар. (Прыскает себе в рот дезодорант «Блиц-Фреш».)

ЕВГЕНИЯ. Но почему у тебя такой странный макияж?

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Ты будешь смеяться. У нас в отделе тоже все буквально помешались на транссексуализме. Это уже не просто треп-мечта воплотиться в семипудовую купчиху. А явь – с переделкой в бабеч с передком нимфоманки, хе-хе... Порой идешь по коридору отдела. А из всех дверей несет пение, словно филармонической капеллы. О! божественный женский оргазм. Это единственные минуты, когда живешь по-настоящему!

ЕВГЕНИЯ (вяло негодует). Какой дешевый плагиат из дневника моей маман.

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Не спиши уличать их в литературном воровстве. Вообще-то, я думал, что ты догадалась, кто водил ручкой твоей мамочки по тетрадке... О, как я люблю эти женские дневнички. Они моя отдушина. Замечу, что и к тебе он попал не невзначай. Как и неслучайна подборка гормонов твоего курса в НИИ психиатрии. Их букетик под названием *Мессалина* настоящая аллергия для моралистов. А когда из твоей комнаты несло – *Я сам бросил вызов небесам!* – разве рядом не чувствовалось мое дыхание? Правда, теперь оно вполне (прыскает себе в рот дезодорант) интеллигентное.

ЕВГЕНИЯ. Хочешь убедить меня, что мой *experimentum in proprio corpore vili* – это всего лишь твой прожект?

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ (насмешливо). Да уж где мне, мелкому заводу делом тягаться с открывателем средства от фаустовой скуки.

ЕВГЕНИЯ. И своего мнения о тебе я не изменила, пока.

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ (*вновь оживает*). О, уже – пока. А ведь какой был апломб – *я сам себе черт!* Ужель ты, голуба, думаешь, что про это средство не знали в том же Вавилоне? Просто не было еще нужной хирургической оснастки. Поэтому на Кухне ведьмы была вынужденная уловка. Несколько подкипятить кровь старому немцу. Дабы он, опьяненный, не заметил обманца. Что пустился-то по затоптанному пустому кругу... Другое дело, когда стало возможным сотворить женщину не из ребра, а из самого Адама. Тут мы сказали себе – пробил наш час! У нас в руках появился настоящий приз. Теперь-то мы наверняка отобьем человека у любой... (*снова запрыскивает в рот «Блиц-Фреш»*) Инстанции.

ЕВГЕНИЯ. Что никого уже не искушаете создать невиданный опус с помощью какого-нибудь двадцать пятого кадра?

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Нет, голуба, мы прагматики. И после девятой бетховенской симфонии оставили попытки состязаться в творчестве с *Самим*. А насколько мы стали прагматиками, суди из такого факта. Если мешок с нотами просто вывалить на нотную бумагу, то вероятность выпадения новой девятой симфонии – отнюдь не нулевая... Правда, иногда у нас встречаются отдельные провинциалы. Им из-за деревенского упрямства, нет-нет, да взбредет – отнять девятую симфонию. Но таких мы тоже отправляем под надежную опеку своих медбратьев.

ЕВГЕНИЯ. Постой, постой. Но в палате НИИ я был не один. Мы все твои визави?

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Хорош вопросик! Но каким бы я выглядел пошляком. Сиди я сейчас напротив субъекта, сдвинутого по фазе. Или пальцем деланного прыщавого юнца. Нет, мой визави только здоровая с недюжинным интеллектом личность. Тот, кто не в ладу с людским счастьем, обывательскими призами. Нам нужен не трусливый торг – а что потом? А тот, кто решает – все здесь и сейчас! А там – хоть в котел... Счет идет по лучшему.

ЕВГЕНИЯ. Однако мы ходим все вокруг да около. Ты почему-то объявился, когда я уже не столь уверена, что абсолютна постельная истина *Еще!.. Еще!..* Что человек вправе вмешиваться в природы или божий промысел. Почуял, что добыча ускользает?

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Не буду скрывать, путь новый. Проект, как говориться, до серии не доведен. По ходу приходится вносить коррективы, свежие идеи.

ЕВГЕНИЯ (*с откровенным смехом*). Ты припас для меня новые позы Камасутры или резоны? Ужель не все было вписано в мамину тетрадку? (*Поднимает ту с пола.*)

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Резоны? Не будь наивной, ими питаются школяры. (*Тоже поднимается, накидывает поверх костюма белый халат и надевает очки, взявшиеся не известно откуда.*) Мы усилим, обогатим тою женскую суть материальными средствами. Короче, пришла пора провести дополнительную гормональную коррекцию. Она не только подкрепит твои расстроенные железки, но у тебя появится параллельная жизнь. Без нее женщина неполноценна. Прочти-ка 90-ую страницу маминого дневника. (*Та открывает нужную страницу.*)

ЕВГЕНИЯ (*читает*). Я поднимаюсь на скалу коктейльской гавани. Но почему-то голая? И не ощущаю никакой тяжести при подъеме.словно я невесома и парю над тропой. Я достигаю вершины, встаю на край скалы. От высоты и увиденной внизу морской бездны голова сразу закружилась. Чувствую, сейчас сорвусь со скалы. При этом мной овладело бешенное желание... Вдруг я осознаю, что все это происходит со мной во сне. Только вожеление настоящее – требующее немедленной разрядки! Или я сама вскочу с постели и по-настоящему побегу кидаться со скалы. И тут прямо из небесной синевы передо мной возник розовый неохватный фаллос. Он тянется ко мне, стоящей на скале, к моему низу живота. Входит туда весь... Мое тело сотрясает оргазм! Мощью за гранями земного, наслаждением на грани безумия... Не помню, сколько он длился, но я проснулась. И уже до самого утра не сомкнула глаз. Я боялась снова попасть в тот же сон. Пережить такое

дважды подряд мне не хватило бы сил. Но я была счастлива. Я знала, что этот сон будет со мной уже до конца дней моих.

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Да-да, сны – это вторая, если не главная сторона жизни женщины. Вначале я не придавал снам большого значения. Каюсь, ошибся. Тебе ведь они не снятся, точнее сняться, но совсем не те. Приходи ко мне завтра на прием по старому адресу НИИ, мы исправим этот недочет. Я буду тебя ждать.

ЕВГЕНИЯ. Вряд ли дождешься.

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Ты так и не изжила в себе философию русского мальчика. Пусть мне будет хуже, зато буду то, что я сам из себя делаю. Эдакая смесь нижегородского упрямства и французского экзистенциализма... Но пора, пора тебе окончательно убить в себе мальчика. *(Резкий звонок в дверь. Недовольно.)* Как он не кстати! Короче, я жду тебя в своем кабинете. *(Звонок требовательно повторяется.)*

ЕВГЕНИЯ. Наверное, ошиблись дверью. Я никого не жду. *(Выходит. Через некоторое время возвращается с мужчиной с автобусной остановки. С недоумением смотрит на пустое кресло.)* Где же мой утренний посетитель? Он мне приснился? *(Мужчине, рассеяно.)* Так что тебя осенило, когда ты вернулся к жене?

МУЖЧИНА. В прошлый раз я ошибался. Ты самая несчастная женщина в мире! Ты проещёкала настоящие чувства мужчины. И никогда не узнаешь, как мужская нежность поднимает женщину над постелью.

ЕВГЕНИЯ. Ты не зря не спал всю ночь. Жаль тебя не слышал мой утренний визави. А может, слышит, кусая в бессилии свой безвкусный пакетик с гормонами. *(К мужчине.)* Ну все, я тебя услышала. Успокойся. Ты победил. Можешь, возвращаться к своей жене.

Мортидо моста

Комната. Евгения взволнованно ходит взад-вперед. Около выхода в кресле сидит мужчина в новом темно-сером костюме. Его длинная и нескладная фигура провинциала не лишена мужской привлекательности.

ЕВГЕНИЯ (*сама с собой*). И он не знает, куда деть свои руки. И его лихорадит (со мной такое впервые). Когда на улице наши взгляды случайно встретились, внутри у меня сразу все перевернулось... Сегодня, наверное, только у провинциалов такие глаза. Без похоти, без наглости. И как влюбленно он на меня смотрит!

ОН. Я завтра улетаю из Москвы. Увы, моя командировка закончилась.

ЕВГЕНИЯ (*останавливается*). Господи, о чем он? При чем тут завтра. Сегодня-то мы вместе. Он ждет, что я скажу ему? Какие же сказать ему слова? В голове никаких. Только те, которыми я заводила своих партнеров... Как некстати я вспомнила этих похотливых козлов. Теперь вся их грязь зазудела на моем теле. И заползло предательское чувство, что любовь опять могла только быть... Но это не честно! (*Непроизвольно трет пальцами рук напряженные виски.*) Да, мне нечего ему сказать, дать. Лучше пусть убирается к себе в гостиницу. (*Поворачивается в его сторону.*) И я уже никогда не увижу его влюбленных глаз? (*Снова ходит по комнате.*) Самому ему духу не хватит ни взять меня, ни убраться в гостиницу. Так и будет сидеть в своей дурацкой позе, словно на партсобрании своих зеленых. Видно, придется самой предложить ему себя. (*Подходит к трюмо. Берет флакон с духами, наносит несколько их капель за мочки ушей.*) А вдруг он решит, что я просто шлюха, готовая лечь с любым? И прочту в его глазах только одно желание. Поскорее трахнуть меня и смыться отсюда... Но если он не разочаруется? Не успеет? И эта ночь будет наша. Я, наконец, узнаю, как мужская нежность поднимает женщину над постелью. Пусть это будет короткая любовь. Но я буду знать, что и у меня она была. (*Часы на стене бьют полночь.*)

ОН (*вскакивает*). Уже очень поздно, а Вам, наверно, завтра рано вставать?

ЕВГЕНИЯ (*невольно*). Да. Хотя... нет. (*Про себя.*) Ты, что, недотепа, и вправду собрался уходить?

ОН. А пойдемте вместе гулять по ночной Москве.

ЕВГЕНИЯ (*разочарованно*). А потом?

ОН. Утром откроются цветочные киоски. Я куплю большущий букет роз. И мы пойдем в ЗАГС. Конечно, если Вы согласны.

ЕВГЕНИЯ. Значит, сегодня продолжается! Я согласна. Идем. Только заскочим к моей соседке. Договоримся, чтобы утром расписала нас без проволочек. Она заведующая ЗАГСом. (*Выходят.*)

В комнате Евгения сидит в легком халатике на кровати, не реагируя на происходящее вокруг. Временами дурашливо смеется. Входят соседка по лестничной площадке, за ней дежурная бригада скорой психиатрической помощи.

СОСЕДКА (*психиатру*). Женька чуть свет разбудила меня. Сама она не могла открыть дверь в квартиру. Ее трясло. Потом я помогла ей переодеться (ее платье было мокрое и пахло, как из унитаза). А после обеда я зашла проведать Женьку – она сидела уже (*кивает в сторону Евгении*) вот такой...

ПСИХИАТР. Странно, нынче после изнасилования даже редкая школьница повреждается умом. Относит этот эпизод к ночному экстриму.

СОСЕДКА. И я удивилась. Утром Женька, конечно, была удручена ночным происшествием под мостом. Но выглядела вполне нормально. Даже сострила, что дождалась и этого приключения.

ПСИХИАТР. Из ресторана она возвращалась одна?

СОСЕДКА. Нет, с будущим мужем. Я должна были их утром расписать.

САНИТАР. А где же сейчас ее будущий муж?

СОСЕДКА. Объялся груш. Он мигом слинял с моста, когда увидел насильника. *(Психиатр подходит к Евгении. Осматривает ее.)*

ПСИХИАТР. Что с ней пока не ясно. *(Отходит от кровати. Санитару.)* Нужна полная картина происшествия под мостом. Описание личности насильника. Надо найти гражданского мужа пострадавшей. Пусть полиция займется поиском этого свидетеля. Не мог же он исчезнуть бесследно. Человек все-таки.

САНИТАР. Я позвоню в полицию. *(Замечает лежащий на полу у кровати тетрадный листок, поднимает его.)* Похоже, чьи-то старые записи, листок пожухлый. Вырван из какой-то тетради. *(Замечает в углу цифры.)* Нумерованная страничка, 175-ая.

Евгения видит листок в руках санитара, подается вперед. Глаза ее вспыхивают осмыслением: в них мысль-вопрос. Непроизвольно трет пальцами рук напряженные виски. Взглядом ищет психиатра.

САНИТАР *(читает записи вслух)*. Какую же по счету уже ночь я хожу на Калининский мост? Мама mio! пятую брожу по нему приманкой. Вся извелась ждать моего ловца. *(Отрывается от листка.)* Далее строчки замараны. *(Пытается прочесть их.)* Нет, ничего не разберу. Читаю что видно. *Куда же ты пропал, мой тарзан? Шерстка моей киски пересохла, аж бьет током. Ты давно ее не мочил. Покинул свою засаду. Лишь эхо нашей первобытной любви гуляет под мостом в каменных пролетах.* *(Снова отрывается от листка.)* Далее опять все замарано. Но кое-что видно дальше. *(Читает.)* Все. Валюсь от усталости. Уже утро. Нужно выпасться к следующей ночной смене. *(Санитар опускает тетрадный листок.)* Записи кончились. *(Психиатру.)* Выходит, их обоих насиловали под одним мостом.

ПСИХИАТР. И что из этого следует? *(Санитар в ответ пожимает плечами.)*

САНИТАР. Какая-то мистика.

ПСИХИАТР. Никакой. Просто мортидо этого моста влекло их одинаково.

Осмысление в глазах Евгении потухает, на лице снова появляется дурашливая улыбка. Психиатр какое-то время выжидает, затем дает знак санитару выводить ее из квартиры.

ПСИХИАТР. Веди больную в санитарную машину. *(Санитар берет Евгению под локоть, поднимает. Идет с ней к выходу. Психиатр вдруг резко кричит вслед.)* Евгения! *(Но это имя повисает в воздухе. Кричит другое.)* Евгений!

Спутница санитара оборачивается на оклик психиатра. Но пойманная какая-то мысль в ее глазах быстро уходит в небытие. Взгляд потухает, дурашливая улыбка возвращается. Снова опускает голову и безвольно следует за санитаром.

Рафаэлова неудовлетворенность ***Драма музыканта***

Действующие лица

АНДРЕЙ ЛОГОЗОВ, *композитор.*

КСЮША.

ЧИНОВНИЦА *из Минкультуры.*

РЕФЕРЕНТ, *ее помощник.*

ПЕТР, *скульптор.*

ВЛАДИМИР, *пианист,*

АЛЕКСЕЙ, *скульптор – братья Пронюшкины.*

ТЕОРЕТИК,

КРАСАВЧИК БЛОНДИН,

РЫЖИЙ ШТУРМОВИК, *неофашисты.*

ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК.

СТРЕЛОК.

ИНСТРУКТОР ТИРА.

Прохожие, полицейский, неофашисты, демонстранты.

Действие первое

На площади

перед филармонией. Площадь выходит на набережную реки. Слева находится жилая пятиэтажка. Справа – парк, начинающийся аллей скульптур. На площади остановился автофургон тира, расписанный рекламой: «4 из 4». На мишенном стенде тира закреплен металлический силуэт скрипки с натянутыми на нем скрипичными струнами. На барьере тира рядом с инструктором лежит приз: настоящая скрипка. На подиуме у барьера столпились стрелки и зрители. Стрелок с накаченными бицепсами в короткой майке целится из винтовки навскидку в скрипичные струны. Возле тира останавливаются Ксюша и Логозов. Стрелок нажимает курок.

СТРЕЛОК (довольно крякнув). Одна есть!

КСЮША (растерянно). Это была любимая струна Паганини.

ЛОГОЗОВ. Ксюша, успокойся. Это всего лишь струна. Сколько их я сам рвал на своей скрипке во время репетиций и выкидывал в мусорку. Пусть стреляют. Идем на аллею скульптур. Нас там ждут. *(Но их останавливает голос стрелка.)*

СТРЕЛОК (инструктору). Слушай, председатель, меня не заводит стрельба в муляж. Ставь на стенд настоящую скрипку. Буду прямо на ней сбивать струны.

ИНСТРУКТОР (колеблется). Ты же хотел подарить скрипку подруге – если выиграешь, конечно.

СТРЕЛОК (гогоча). Она нужна ей, как козе баян, ха-ха... Я заплачу, коль проиграю. Не зевай, председатель, сделаю отличную рекламу твоему аттракциону. *(Инструктор после недолгого раздумья уходит со скрипкой к мишенному стенду. Стрелок ему.)* Проверь, струны хорошо натянуты?

КСЮША. Андрей, ты дашь им расстрелять и скрипку?! *(Тот запрыгивает на подиум тира)*

ЛОГОЗОВ. Брось винтовку, вандал! *(Хватает рукой ствол, стрелок машинально нажимает курок.)*

ИНСТРУКТОР (истерично). Психи! Куда стреляете – меня чуть не замочили...

СТРЕЛОК (Логозову). Отцепись, шизик! *(Пытается вырвать винтовку. Завязывается борьба.)*

На площади появляется чиновница из Минкультуры и ее референт. Оба разбиты дорожной усталостью и жарой в городе. Наблюдают, вытирая платками пот с лица, за происходящим у тира.

ЧИНОВНИЦА (в сердцах). Когда ж кончатся наши ссылки?! Избранники Музы только умирают в столицах, а родятся – где попало. А нам таскайся за ними по пыльным провинциям. И чем ей не угодила наша белокаменная?

РЕФЕРЕНТ. Шеф, рубишь в корень. Ведь, какая была столица – вечный город. Какой был муж – император. А уж как он хотел понравиться Музе. Ради нее даже поджег свою столицу. Все тщетно. Муза так ни разу не посетила Нерона. *(Натыкается на ухмылку чиновницы.)*

ЧИНОВНИЦА. Никак ревнуете Музу? Ночью вы опять не спали, терзали свой мольберт. Я еще вчера днем поняла, что вас ждет бессонница. Ее признаки я увидела еще в музее, когда нам показали местную гордость – картину «Муза». Я заметила, как красавица с полотна завела вас.

РЕФЕРЕНТ. Ну, на счет ее красоты я бы поспорил. Ромбоид Микеля у нее неважнецки очертан, тощая. Тут другое. Хоть бы разок слиться с Музой в творческом экстазе. Обессмертить свое имя на холсте. Чтобы Джоконда от зависти кусала губы. Увы, Муза предпочла вон того (*кивает в сторону борцов за винтовку у тира*) безвестного скрипача.

ЧИНОВНИЦА. Как вы недаленовидны. Сегодня в зале филармонии он сыграет то, что ему напела Муза. И завтра он проснется знаменитым! (*Примириительно.*) Но не только вы, наши власти тоже подзабыли, как трясет их задницы протее Музы.

В это время на площади появляется сержант полиции. Кто-то из горожан у тира его замечает. Предупреждает стрелка: «Парень, менты!» Стрелок бросает винтовку. Инструктор забирает со стенда скрипку. Сержант подходит к тире.

СЕРЖАНТ. Граждане, почему шумим? (*Те уклончиво пожимают плечами, расходятся.*)

ЛОГОЗОВ (*к инструктору*). Парень, дай мне скрипку, сыграю.

ИНСТРУКТОР (*после недолгого колебания*). Ладно, сыграй – для успокоения нервов у публики.

Логозов берет скрипку, снимает с грифа струны. У тира вновь собираются горожане, раздаются возгласы: «Смотри! смотри! на одной струне будет играть».

ЛОГОЗОВ (*объявляет*). «Плач струны». Соло для скрипки с публикой. (*Поднимает скрипку на плечо, опускает смычок на струну. Играет. Стрелок из толпы, нарочито громко зевая, комментирует.*)

СТРЕЛОК. Хоть на одной струне скрепит, а все одно скукотища... (*Следом из толпы раздаются свист и выкрики: «Скрипач, кончай пилить! Уши вянут».* (*Логозов обрывает игру. Про себя.*)

ЛОГОЗОВ. Увлеч пока струны снимал... А как предательски задрожали руки, когда освистали.

ЧИНОВНИЦА. Моя минута. (*Подходит к тире, аплодирует Логозову.*) Браво, маэстро! Гениально! (*Пожимает руку музыканту.*) Логозов, у тебя сегодня счастливый день. Я заключу с тобой контракт на покупку всех твоих нот. (*Поясняет.*) Я из Минкультуры. (*Встает рядом на помост тира.*) Правда, исполняться будут только те твои сочинения, на которые я дам добро. Чего я уже не могу дать твоей кантате «О жизни, достойной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.